

Добротолюбие. В 5 томах

Добротолюбие. Том II

«Сибирская Благовонница»

Добротолюбие. Том II / «Сибирская Благовонница»,
— (Добротолюбие. В 5 томах)

ISBN 978-5-91362-302-7

Сборник аскетических творений отцов IV–XV вв., составленный святителем Макарием, митрополитом Коринфским (1731–1805) и отредактированный преподобным Никодимом Святогорцем (1749–1809), впервые был издан на греческом языке в 1782 г. Греческое слово «Добротолюбие» («Филокалия») означает: любовь к прекрасному, возвышенному, доброму, любовь к красоте, красотолюбие. Красота имеется в виду духовная, которой приобщается христианин в результате следования наставлениям отцов-подвижников, собранным в этом сборнике. Полностью название сборника звучало как «Добротолюбие священных трезвомудрцев, собранное из святых и богоносных отцов наших, в котором, через деятельную и созерцательную нравственную философию, ум очищается, просвещается и совершенствуется». На славянский язык греческое «Добротолюбие» было переведено преподобным Паисием Величковским, а позднее большую работу по переводу сборника на разговорный русский язык осуществил святитель Феофан Затворник (в миру Георгий Васильевич Говоров, 1815–1894). Настоящее издание осуществлено по изданию 1905 г. «изданием Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря». По благословению митрополита Ташкентского и Среднеазиатского ВЛАДИМИРА Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

ISBN 978-5-91362-302-7

© Сибирская Благозвонница

Содержание

Иоанн Кассиан Римлянин	6
О святом Иоанне Кассиане краткое сведение	6
Святого Иоанна Кассиана обозрение духовной брани	8
1. Цель и конец подвижничества (Соб. 1-е)	8
2. Смотри на сию цель надлежит определять и то, каково должно быть наше отречение от мира (Соб. 3-е)	8
3. Борьба плоти и духа (Соб. 4-е)	10
4. Общее очертание страстей и борьбы с ними (Соб. 5-е)	12
5. Борьба с восемью главными страстями	14
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Святитель Макарий Коринфский Добротолюбие. Том II

Иоанн Кассиан Римлянин

О святом Иоанне Кассиане краткое сведение

Св. Иоанн Кассиан Римлянин родился (в 350–360 г.), вероятно, в Галльской области, там, где Марсель, – от знатных и богатых родителей и получил хорошее научное образование. С юных лет возлюбил он богоугодную жизнь и, горя желанием достигнуть совершенства в ней, отправился на Восток, где вступил в Вифлеемский монастырь и принял монашество. Здесь слыша о славной подвижнической жизни Египетских отцов, он пожелал видеть их и поучиться у них. Для сего, согласившись с другом своим Германом, отправился туда около 390 г., после двухлетнего пребывания в обители Вифлеемской.

Семь целых лет провели они там, живали и в скитах, и в келлиях, и в монастырях, и среди отшельников, в уединении, все замечали, изучали и самим делом проходили; и ознакомились подробно с тамошней подвижническою жизнью, во всех ее оттенках. В свой монастырь возвратились они в 397 г.; но в том же году опять отправились в те же пустынные египетские страны и пребыли там еще до 400 года.

Оставив Египет в этот раз, св. Кассиан с другом своим отправился в Константинополь, где они были благосклонно приняты св. Златоустом, который св. Кассиана посвятил в диакона, а друга его, как старшего, во священника (в 400 г.). Когда св. Златоуст присужден был к заточению, лица ему преданные послали (в 405 г.) по этому делу в Рим к папе Иннокентию некоторых ходатаев, в числе которых был и св. Кассиан с другом своим. Посольство это кончилось ничем.

Св. Кассиан после сего не возвращался уже на Восток, но отправился на родину и там продолжал свою подвижническую жизнь, по египетским образцам; прославился и святостию жизни, и учительскою мудростию, и был посвящен во священника. Стали собираться к нему ученики один за другим, и скоро составилась из них целый монастырь. По примеру их недалеко устроился и женский монастырь. В том и другом монастыре устав был введен тот, по которому монахи жили и спасались в восточных и особенно в египетских монастырях.

Благоустройство этих монастырей в новом духе и по новым правилам и явные успехи подвизавшихся там обратили на себя внимание многих иерархов и настоятелей монастырей Галльской области. Желая завести и у себя такие порядки, они просили св. Кассиана написать им иноческие уставы восточные с изображением и самого духа подвижничества. Он исполнил с охотою это прошение, описав все в 12 книгах постановлений и в 24 собеседованиях.

Почил св. Кассиан в 435 г. Память его совершается 29 февраля.

Из сих аскетических Писаний св. Кассиана в прежнее Добротолюбие взяты восемь книг (5-12) о борьбе с восемью главными страстями и одно (2-е) собеседование о рассуждении, – то и другое в сокращенном извлечении.

Сему подражаем и мы. Главным заимствованием будут восемь книг о борьбе со страстями в наиболее полном переводе с присовокуплением в некоторых местах статей и из собеседований, где это подходит. Но кроме того сочтено нужным впереди них поместить несколько извлечений из собеседований, в коих показывается значение борьбы со страстями в духовной жизни, или место ее в течении подвижничества, выясняется необходимость сей борьбы и представляется общее очертание страстей и борьбы с ними; а после них приложить еще извлечения, в коих описываются другие две брани, – именно с помыслами и скорбями от бед и напастей,

как приложение к предыдущему изображению борьбы с восемью помыслами. В конце же всего прилагаются в виде прибавления нужные наставления о нескольких предметах, которые, хотя говорят о духовной жизни вообще, но близко касаются и духовной брани, таковы: о благодати и произволении как деятелях в производстве духовной жизни, – о молитве, в коей они сходятся, – о степенях совершенства духовной жизни по побуждениям к ней, – и конце покаянных трудов. – Почему эти прибавления не мешают нам все извлекаемое из Писаний св. Кассиана озаглавить так: *обозрение духовной брани*.

Таким образом извлечения из св. Кассиана будут идти под следующими оглавлениями:

1. Цель и конец подвижничества.
2. Смотри на сию цель, надлежит определить и то, каково должно быть наше отречение от мира.
3. Борьба плоти и духа.
4. Общее очертание страстей и борьбы с ними.
5. Борьба с восемью главными страстями:
 - а) с чревоугодием
 - б) с духом блуда
 - в) с духом сребролюбия
 - г) с духом гнева
 - д) с духом печали
 - е) с духом уныния
 - ж) с духом тщеславия
 - з) с духом гордости.
6. Борьба с помыслами и чрез них с злыми духами.
7. Борьба со всякого рода скорбями.
8. О Божественной благодати и свободном произволении как производителях духовной жизни.
9. О молитве.
10. О руководстве в духовной жизни.
11. О степенях совершенства духовной жизни по побуждениям к ней.
12. О конце покаянных трудов.

Святого Иоанна Кассиана обозрение духовной брани

1. Цель и конец подвижничества (Соб. 1-е)

1. Все науки и искусства имеют свою цель (scopon) и свой конец (telos), – смотря на которые, рачительный любитель искусства охотно переносит все труды и издержки. Так земледелец, терпя то зной, то холод, неутомимо распахивает и разрыхляет землю, имея *целию*, – очистив ее от всякого стороннего сора, сделать плодороднейшею; убежден будучи, что иначе не достигнет *конца*, т. е. получения обильной жатвы для содержания себя и умножения своего достояния. Так и подвижничество наше имеет свою цель и свой конец, ради которого неутомимо и с удовольствием подъемлем мы все труды, – ради которого не тяготит нас скудость питания постнического, веселит изнеможение от бдений, всегдашнее чтение Писаний с размышлением не знает сытости, и не страшат ни непрестанный труд, ни обнажение от всего и скудость во всем, ни даже ужасы этой безмерной пустыни.

2. Конец нашей подвижнической жизни есть Царство Божие, а цель – чистота сердца, без которой не возможно достигнуть того конца. К этой цели приковав взор наш, и должны мы направлять наивернейше течение наше, как по прямой линии, и если хотя несколько помышление наше уклонится от нее, тотчас возвращаясь к созерцанию ее, исправлять его, как по норме какой.

3. Так учит св. Павел, когда к приявшим благое иго Христово говорит: *имате плод ваш во святых, кончину же – жизнь вечную* (Рим. 6, 22). Этим он сказал как бы: цель ваша – в чистоте сердца, а конец – Жизнь Вечная. Итак, что может нас направить к сей цели, т. е. к чистоте сердца, тому мы следовать должны всею силою, а что отвлекает от нее, того избегать, как губительного и вредного. Ибо для нее все подъемлем мы и делаем; для нее оставляются родители, отечество, чины, богатство, утехы мира сего и все удовольствия, – чтоб, т. е. сохранно удерживать постоянную чистоту сердца. Если посему будем мы всегда иметь во внимании эту цель, то все действия наши и помышления будут направляться прямо к достижению ее. Если же она не будет неотходно стоять пред очами нашими, то все труды наши и силы, не будучи направляемы на одно это, напрасно будут иждиваемы.

4. Итак, для этой чистоты должно нам все делать и всего желать; для нее в пустыню следовать, для нее держать посты, бдения, труды, нищету телесную, чтение и прочие добродетели, – чтоб, т. е., соделать сердце свое не болезнующим никакими пагубными страстями и сохранить его таковым. Посты, бдения, отшельничество, поучение в Писании для этой главной цели, т. е. чистоты сердца, подобает нам поднимать; и из-за них не должно позволять себе возмущать сию главную добродетель. Ибо когда пребудет у нас сохранною и невреждимою сия главная добродетель, то никакой не будет беды, если какой-нибудь из сказанных подвигов придется в каком-либо случае по необходимости опустить: когда же мы все их выдержим, а ее одну нарушим, то никакой не будет от этого пользы; потому что все должно быть делаемо для нее. Они (подвиги) не суть совершенство, а суть средства к совершенству. Почему напрасно будет трудиться, кто, удовольствовавшись ими одними, будто *верховным благом*, на них остановит стремление своего сердца, а не будет простираť его до достижения конца, для которого они сами желательны.

2. Смотря на сию цель надлежит определять и то, каково должно быть наше отречение от мира (Соб. 3-е)

5. Есть три вида отречения от мира: первое то, в котором телесно оставляем все богатства и стяжания мира; второе то, в коем оставляем прежние нравы, пороки и страсти, как душевные,

так и телесные; третье то, в коем, отвлекая ум свой от всего настоящего и видимого, только будущее созерцаем и вождедеваем того, что невидимо, Эти три отречения все вместе совершить повелел Господь Аврааму, когда сказал ему: *изыди от земли твоея, и от рода твоего, и от дому отца твоего* (Быт. 12, 1): *от земли твоея*, т. е. от богатства мирского и земных стяжаний; *от рода твоего*, т. е. от прежнего образа жизни, прежних нравов и пороков, которые, прицепившись к нам с самого рождения, близко родственны нам, как бы единокровные; *от дому отца твоего*, т. е. от всякого воспоминания о мире и обо всем, что встречается в нем взорам нашим. Это бывает, когда, умерши со Христом от стихий мира, смотрим, по Апостолу, уже не на то, что видимо, но на то, что невидимо; *видимая бо временна, невидимая же вечна* (2 Кор. 4, 18), – и, исшедши сердцем из сего временного и видимого дома, свои очи и ум обращаем к тому дому, в коем имеем пребывать вечно; – когда *во плоти ходяще, не по плоти воинствовать начнем* в Господе (2 Кор. 10, 3), оное блаженного Апостола изречение делом и жизнью возглашая: *наше житие на небесех есть* (Флп. 3, 20).

6. Не много будет для нас пользы, если, со всею теплотою веры совершив первое отречение, не исполним с таким же рвением и жаром и второго, – чтоб, успев таким образом стяжать и это, могли мы достигнуть и того третьего, в коем, исшедши из дома прежнего отца нашего по ветхому человеку, всецело устремляем взор ума нашего к Небесному. Посему, если желаем достигнуть истинного совершенства, то должны стремиться к тому чтоб, как телесно мы оставили родителей, родину, богатства и удовольствия мирские, так оставить все то и сердцем, и никогда уже не возвращаться похотением к тому, что с презрением отвергли: подобно Израильтянам, изведенным из Египта, которые, по вкушении Небесной манны, желали нечистых и скверных яств Египетских, говоря: *хорошо нам было в Египте, когда сидели мы над котлами* (Исх. 16, 3; Чис. 11, 5). И всякий кто по отречении от мира возвращается к прежним заботам и прежними увлекается пожеланиями, делом и мыслию говорит то же, что и те: *хорошо мне было в Египте* (мира). Телом только оставление мира, и местом только переселение из сего Египта никакой не принесет нам пользы, если мы равным образом не сможем стяжать и отречение сердцем, которое выше и полезнее. О том отречении, которое мы назвали телесным, вот что провозгласил Апостол: *аще раздам вся имущества моя, и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любви же не имам, никакая польза ми есть* (1 Кор. 13, 3). То есть, если так отрекусь, что ничего не оставлю себе, и к сему всеразданию присовокуплю еще мученичество и сожжение своей плоти, так что тело мое предам за Христа; и однако же буду нетерпелив, гневлив, завистлив, или горд, буду воспаляться обидами других или взыскивать своего, буду помышлять о том, что худо, или нетерпеливо и неохотно переносить все, что бы ни было мне причинено: то никакой не принесет мне пользы отречение и сожжение внешнего человека, когда внутренний притом обложен еще прежними страстями.

7. Итак со всем настоянием надобно нам спешить к тому, чтоб и внутренний наш человек сбросил с себя и расточил все собранное им в прежней жизни богатство страстей, которые, прицепляясь к телу и душе, собственно наши суть, и если, пока еще мы в теле сем, не будут отсечены и отброшены, то и по исходе не перестанут сопровождать нас. Ибо как добродетели, или самая любовь, которая есть источник их, будучи приобретены в сем веке, и по кончине сей жизни делают любителя своего прекрасным и светлосиянным: так и пороки, покрыв некако душу отвратительными красками, запятнанною же ими препровождают ее и в оное непрестанное пребывание. Красота или отвратительность души порождаются качеством добродетелей или пороков, из коих извлекаемая некая краска делает ее или столь светлосиянную и прекрасную, что она достойна бывает слышать слово пророческое: *и возжелает Царь доброты твоея* (Пс. 44, 11), – или крайне черною, смрадною и безобразною, так что она сама, исповедуя смрадность своей скверноты, скажет: *возмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего* (Пс. 37, 6). Посему они-то (добродетели и страсти) суть собственно наше богатство, которое неразлучно пребывает с душою, и которого ни один царь нам дать, и ни один враг отнять у нас не

может. Они-то суть собственно наше богатство, которого и самая смерть не сильна отторгнуть от души.

(Расточать злое богатство страстей значит умертвить их, – чего нельзя достигнуть без борьбы с ними. Почему отрекшимся от мира неизбежно предлежит борьба со страстями, за которую они и должны браться с первых же пор. У св. Кассиана о сей борьбе идут и общие рассуждения в беседах – 4-м *о борьбе плоти и духа*, и 5-м *об восьми главных страстях*, – предлагается и в частности подробное описание борьбы с каждой из восьми главных страстей в книгах постановлений. – Заимствуем из всего существеннейшее).

3. Борьба плоти и духа (Соб. 4-е)

8. Есть брань в членах наших, как читаем у Апостола: *плоть похотствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противятся, да не яже хотите, сия творите* (Гал. 5, 17). По промыслительному распоряжению Божию, она внедрилась как бы в самую природу нашу. И можно ли почитать ее иным чем, как не естественною как бы принадлежностью человеческого естества после падения первого человека, если она всем без исключения обща? Надлежит однако ж верить, что она имеется в нас по воле Божией, во благо нам, а не во зло, если она всем природна. Она оставлена в нас для возбуждения в нас ревнования о высшем совершенстве.

9. Слово *плоть* в сем месте должно принять не в смысле человека как существа, а в смысле воли плотской, или худых пожеланий: равно и под словом *дух* разуместь надо не какое-либо существо личное, а пожелания души добрые и святые. Такой смысл определил сам же Апостол, говоря так: *духом ходите, и похоти плотския не совершайте: плоть бо похотствует на духа*, и проч. (там же, ст. 16, 17). Так как те и другие пожелания находятся в одном и том же человеке, то и ведется внутри нас непрерывная междоусобная брань. Тогда как похоть плоти, главным образом стремящаяся к греховному, находит удовольствие в одном том, что относится к удовлетворению потребностей настоящей жизни; дух, напротив, весь желает прилепиться к делам духовным, оставляя даже самые необходимые потребности плоти, и желает предаться исключительно тем одним, не уделяя даже и малой заботы тленной плоти сей. Плоть услаждается изобилием и всякими удовольствиями; духу не приятно попечение даже о предметах естественных потребностей. Та желает насыщаться сном и наполняться пищею; этому так питательны бдения и посты, что он не хотел бы допускать сна и пищи даже и сколько нужно для жизни. Та желает изобиловать всякими богатствами; этот не доволен даже тем, что имеет малое количество хлеба на каждодневное употребление. Та желает нежиться и окруженною быть толпою ласкателей; этому отраднее жестокое житие и просторность неприступной пустыни, и не приятно присутствие смертных. Та пленяется почестями и похвалами человеческими; этому радостны гонения и обиды.

10. Когда воля наша водится самолюбием и земною мудростию; то загадывает держать некую, достойную всякого осуждения средину между сими двумя стремлениями, располагаясь так воздерживаться от плотских страстей, чтобы при этом нисколько не терпеть прискорбностей, неизбежных при исполнении требований духа, – без казнения плоти желая достигнуть телесной чистоты, без труда бдений стяжать чистоту сердечную, с упокоением плоти обиловать духовными добродетелями, без ожесточенных злословий получить благодать терпения, являть смирение Христово без ущерба в чести мирской, следовать простоте благочестия с высокомерием века сего, служить Христу с людскою славой и благоволением, говорить решительную правду, не встречая никакого, даже малого оскорбления, – вообще достигнуть благ будущих, не теряя настоящих. Такая воля не ведет к истинному совершенству, но, поставляя в состояние противной теплоты, делает такими, каковы те, о коих с укором говорит Господь в Апокалипсисе: *вем твоя дела, яко ни студен еси, ни горяч, – о дабы студен был еси, или горяч. Тако, понеже тепл еси, изблевати тя имам от уст Моих* (Откр. 3, 15–16). Но благодать, пришедши,

возбуждает энергию духа и восстанавливает в нем высшие стремления, отрешающие от всего земного. Подвергаясь влиянию их, воля не может уже оставаться такою равнодушною и теплохладною, но восприимлет ревность о лучшем и ему приносит в жертву все низшее. Между тем однако ж тяготение к прежнему покою равнодушия остается в ней, и она бывает очень готова опять ниспасть в него. Чтоб этого не случилось, во плоти оставляются движения, враждебные высшим стремлениям, к которым воля, вкусившая высших благ, благоволить не может, и лишь только ощутит их, тотчас оживляется всею ревностью и мужественно охраняет высшие свои блага. И бывает, что коль скоро воля ниспадет в богопротивную теплохладность, восстает брань плоти и пробуждает ее к энергии. Из сего явно, что мы навсегда оставались бы в состоянии помянутой выше богопротивной теплоты, если б из него не выводила нас восстающая в нас брань. Ибо при ней, когда, раболепствуя самоугодию, захотим сделать себе некоторое послабление, тотчас восстает плоть и, уязвляя нас жалами греховных движений и страстей, не дает стоять в отрадной чистоте желаемой, и увлекает к охлаждающему удовольствию, – не благоволимому, – увлекает как бы на путь, заросший тернием. Но это раздражает заснувшую ревность по Богу; она восстает и прогоняет подступивших врагов. Ежедневно действуя в нас, брань сия приводит нас к благодетельной решимости, – отвергши пространную и беспечную жизнь, стяжевать чистоту сердца с многим потом и сокрушением духа, – хранить чистоту тела строгим постом, голодом, жаждою и неспанием, – восходить в доброе настроение духа чрез чтение, размышление и непрестанные молитвы.

11. Подобное нечто таинственно изображено в распоряжении Божиим касательно враждебных Израилю народов, как читаем в книге Судей: *сия языки остави Господь, да искусит ими Израиля... еже научити я брани* (Суд. 3, 1–2). – Таковую брань устроил Господь не потому, чтобы не хотел покоя Израилю или не имел попечения о его благе, но потому что видел, как много она полезна для него. Подвергаясь почти непрестанному нападению тех народов, он не мог не чувствовать постоянно нужды в помощи Божией, и потому должен был пребывать во всегдашнем уповательном обращении к Нему и в молитве. Не имея возможности оставить дело брани, не имел он времени предаться и беспечности или расслабеть от лености и праздности. Ибо часто безопасность и счастье низвергают того, кого не могли победить несчастья.

12. И от чего иного у скопцов по плоти мы находим душу усыпленную, как не от того, что, по заблуждению, освободив себя от этой плотской потребности, думают, что не имеют нужды ни в труде телесного воздержания, ни в сокрушении сердца. Расслабленные такою беспечностью, не заботятся они о стяжании истинного совершенства, или об очищении сердца от душевных страстей. Такое состояние, возвышаясь над состоянием плотским, остается только душевным, которое словом Самого Господа названо достойным отвержения, – за то, что от холодного перешедши к теплomu, остановилось на сей противной теплоте.

13. Итак, в самом начале отречения, переставая быть плотскими, т. е. начиная отделяться от обычаев мирских и воздерживаться от явной плотской нечистоты, мы должны поспешать и всею силою стараться тотчас усвоить себе и состояние духовное, чтобы иначе, по одному тому, что отреклись от мира по внешнему человеку или прекратили осквернение себя плотским любодейством, мечтая о себе как о достигших уже совершенства, не сделаться нам потом нерадивыми и беспечными в истреблении причин страстей и, таким образом остановясь посредине между плотью и духом, не остаться не достигшими степени совершенства духовного, полагая, что для сего совершенства достаточно по одному внешнему состоянию отделиться от жизни и удовольствий мира, и быть только непричастными разврату и смешению плотскому. Ибо если останемся в сем состоянии теплоты (равнодушия), которое считается самым худшим, то будем изbleваны из уст Господа, как Он говорит: *понеже тепл еси... изbleвати тя имам от уст Моих* (Откр. 3, 16). Справедливо Господь объявил о тех, кои, быв восприняты Им во утробу любви, потом охладели, что они будут Им изbleваны с некоторым омерзением. Ибо легче обращается ко спасению и восходит на верх духовного совершенства человек плотской,

т. е. мирской или язычник, нежели тот, кто, восприняв иго Христово, не вступил на путь к совершенству и попустил охладеть первому огню ревности духовной. Ибо когда тот, будучи смиряем чувственными страстями и сознавая себя нечистым по причине плотского осквернения, придет в сокрушение и прибегнет к источнику всякой чистоты и совершенства, то гнушаясь тем холодным состоянием неверия и беспечности, в коем находился, горя же духом, удобнее взойдет к совершенству. Напротив, кто с холодностию принимается за дело Божие и без смирения и должного усердия вступает на путь этого звания, тот однажды будучи поражен этою бедственною заразою, не может уже ни сам собою умудриться на лучшее, ни принимать вразумление от других. Ибо он, по слову Господа, говорит в сердце своем: *богат есмь, обогатихся, и ничтоже требую*; тогда как к нему приличнее приложить то, что следует далее: *и не веши, яко ты еси окаяннен, и беден, и нищ, и слеп, и наг* (Откр. 3, 17). Таким образом он становится хуже мирского человека тем, что теряет сознание, как он беден, слеп и наг, как во многом требует исправления, сколь великую имеет нужду в наставлениях и вразумлении со стороны других, почему не принимает никакого спасительного слова, не разумея, что в будущем веке будет подлежать неизбежно строжайшему суду и наказанию.

4. Общее очертание страстей и борьбы с ними (Соб. 5-е)

14. Главных страстей восемь: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость.

15. Страсти бывают *двух родов*: естественные, вырождающиеся из естественных потребностей, как например, чревоугодие и блуд, и неестественные, не коренящиеся в естестве, как например, сребролюбие. *Действия* же их проявляются *четверояко*: некоторые действуют только в теле и чрез тело, как чревоугодие и блуд, – а некоторые проявляются и без содействия тела, как тщеславие и гордость; далее, иные возбуждаются со вне, как сребролюбие и гнев, – а иные исходят из внутренних причин, как уныние и печаль. Такого рода обнаружение действия страстей подает повод допустить в них еще два рода, – деля их на плотские и душевные: плотские в теле зарождаются и тело питают и услаждают, а душевные из душевных склонностей исходят и душу питают, на тело же нередко действуют разрушительно. Эти последние врачуются простым врачеванием сердца внутренним; а плотские двояким лекарством врачуются, – и внешним, и внутренним.

16. Поясним нечто из сказанного более пространным рассуждением. Страсти чревоугодия и блуда, коренясь в теле, возбуждаются иногда без содействия души, по одному раздражению потребностей, из коих исходят; но влекут и душу по ее связи с телом. Для обуздания их недостаточно одного напряжения душевного против них вооружения, но надо при сем укрощать и самое тело постом, бдением, истомлением посредством труда; нужно бывает и временное уединение, а нередко и совсем отшельничество. Ибо как они происходят от порочности души и тела, то и побеждены быть могут не иначе, как трудом обоих. – Тщеславие и гордость зарождаются в душе без посредства тела. Ибо какую нужду имеет тщеславие в телесном чем, когда из-за одного желанья похвал и славы доводит до падения плененную им душу? Или какое телесное действие имело место в возгордении люцифера, когда он зачал его в одной душе и помышлении, как говорит пророк: *ты говорил в сердце своем: взыду на небо... и буду подобен Всевышнему* (Ис. 14, 13, 14). Не имел он в такой гордости подстрекателя совне; она и зародилась и созрела вся внутри его.

17. Эти восемь страстей, хотя имеют разное происхождение и разные действия, однако шесть первых, т. е. чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние соединены между собою особым неким сродством, по коему излишество предыдущей дает начало последующей. Ибо от излишества чревоугодия необходимо происходит блудная похоть, от блуда сребролюбие, от сребролюбия гнев, от гнева печаль, от печали уныние. Потому против них надо

сражаться тем же порядком, переходя в борьбе с ними от предыдущих к последующим: чтоб победить уныние, сначала надо подавить печаль; чтоб прогнать печаль, прежде нужно подавить гнев; чтоб погасить гнев, нужно попать сребролюбие; чтоб исторгнуть сребролюбие, надо укротить блудную похоть; чтоб подавить блудную похоть, надо обуздать страсть чревоугодия. И остальные две страсти, тщеславие и гордость, – таким же способом соединяются между собою, т. е. усиление первой из них дает начало другой, от чрезмерного тщеславия рождается страсть гордости; таким же порядком и победа над ними приобретается, т. е. чтоб истребить гордость, надобно подавить тщеславие. Но с теми шестью страстями они не соединяются родовым образом; ибо не от них рождаются, а напротив по истреблении их. В эти две страсти мы впадаем особенно после победы и восторжествования над прочими страстями. – Впрочем, хотя эти восемь страстей в таком между собою находятся отношении, как теперь показано, однако ж частнее они разделяются на четыре союза: блудная похоть особенным союзом соединяется с чревоугодием, гнев со сребролюбием, уныние с печалию, гордость с тщеславием.

18. Каждая из страстей не в одном виде проявляется. Так, чревоугодие бывает трех видов: или порождает пожелание есть прежде установленного часа, – или ищет многоястия до объядения, не разбирая качеств пищи, или требует лакомой пищи. Отсюда беспорядочное ястие походя, обжорство и сластолюбие. От этих трех происходят разные злые недуги в душе: от первого рождается досадование на монастырский устав, – от этого досадования возрастает недовольство жизнью в монастыре до несносности, за которою скоро следует обычно и бегство из монастыря; от второго возбуждается плотская похоть и сладострастие; а третье ввергает в сребролюбие и не дает места нищете Христовой.

Блудной страсти три вида: первый совершается чрез смешение одного пола с другим; второй производится без смешения с женщиною, за который от Господа был поражен Онан, сын патриарха Иуды (Быт. 38, 9, 10), и который в Писании называется нечистотою; третий производится умом и сердцем, о котором Господь в Евангелии говорит: *кто смотрит на женичину с возжеланием, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Эти три вида бл. Апостол указал в след. стихе: *умертвите уды ваша, яже на земли: блуд, нечистоту, похоть* и проч. (Кол. 3, 5).

Сребролюбия три вида: в первом оно не дает отрекающемуся от мира обнажиться от всякого имущества; во втором оно заставляет того, кто все уже раздал бедным, снова приобретать такое же имущество; в третьем оно разжигает желание к приобретениям и того, кто ничего прежде не имел.

Три вида и гнева: первый тот, который пылает внутри; второй тот, который прорывается в слово и дело; третий тот, который горит долгое время и называется злопамятством.

Печали два вида: первый – что посещает по прекращении гнева или причиняется нанесенными убытками и потерями и неисполнением желаний; второй происходит от опасений и страхов за свою участь или от неразумных забот.

Уныния два вида: один ввергает в сон, – а другой гонит из келлии.

Тщеславие хотя многовидно, однако ж главных у него два вида: в первом превозносимся плотскими преимуществами и видимыми вещами; а во втором воспламеняемся желанием суетной славы из-за духовных предметов.

Гордости два вида: первый плотской, второй – духовный, который губительнее первого. Он особенно искушает тех, которые преуспели в некоторых добродетелях.

19. Хотя эти восемь страстей искушают весь род человеческий; впрочем, не на всех одинаковым образом нападают. Ибо в одном главное место занимает дух блуда; в другом преобладает гневливость; в ином властвует тщеславие; а в другом гордость господствует: так что хотя все страсти на всех нападают, но каждый из нас различным образом и порядком раболепствует им.

20. Посему нам надобно вести брань с этими страстями так, чтобы всякий, открыв, какая страсть особенно вредит ему, против нее главно направлял и борьбу, употребляя всякое старание и заботу для наблюдения за нею и подавления ее, против нее направляя копья ежедневных постов, в нее бросая ежеминутно стрелы сердечных стенаний и воздыханий и непрестанно проливая слезы в молитве к Богу о прекращении мятущей его брани. Ибо никто не может восторжествовать над какою-либо страстию, пока не убедится, что своим тщанием или трудом не может одержать победу над нею; хотя при том ему, чтоб очиститься от нее, и самому необходимо день и ночь пребывать во всяком труде и всякой заботе о том.

21. Когда такой борец почувствует, что освободился от первой своей страсти, тогда опять должен с полным вниманием рассмотреть тайники своего сердца, чтоб, увидев, какая за тем еще есть в нем сильнейшая сравнительно с остальными страсть, против нее в особенности подвинуть все духовные оружия. Побеждая таким образом всякий раз первейшие в себе страсти, он скорее и легче будет одерживать победу над остальными, низшими их.

22. Когда одержишь победу над одною или несколькими страстями, не должно тебе превозноситься сею победою. Иначе Господь, увидев надмение сердца твоего, перестанет ограждать и защищать его, – и ты, оставленный Им, опять начнешь быть возмущаем тою же страстию, какую победил было при помощи благодати Божией. И пророк не стал бы молиться: *не предай, Господи, зверям душу, исповедающуюся Тебе* (Пс. 73, 19), – если б не знал, что возносящиеся сердцем опять предаются страстям, которые победили, чтоб смирились.

5. Борьба с восемью главными страстями

23. Изображая борьбу с восемью главными страстями, будем описывать свойства их, указывать причины и предлагать пригодные против них врачевства.

а. Борьба с чревоугодием (Кн. 5)

24. Первая, в какую следует нам вступить, борьба есть – борьба с чревоугодием, или со страстию пресыщения.

25. Касательно образа воздержания в пище, или постничества, не может быть постановлено одинаковое для всех правило; потому что не у всех тел одинакова крепость, добродетель же сия соблюдается не одною силою души, но должна соразмеряться и с силою тела. Не для всех возможно соблюдать пост по неделям; некоторые не могут быть без принятия пищи более трех или двух дней, а иным трудно пробыть без пищи до заката солнца. Не для всех также питательны овощи, или зелия, или сухой хлеб. Еще – иному для насыщения нужно два фунта, а другой чувствует тягость, если съест фунт или полфунта. Но все воздержники должны иметь одну цель, чтобы, принимая пищу по мере способности, не вдаваться в пресыщение. Ибо не только качество пищи, но и количество расслабляет душу, возжигая в ней вредоносный, греховный огонь.

26. Какими бы яствами ни было насыщаемо чрево, от этого зарождаются семена похоти плотской, и ум, подавленный бременем яств, не бывает уже силен добре править кормилом рассуждения. Не одно чрезмерное употребление вина опьяняет ум, но и излишество всяких яств обыкновенно делает его шатким и колеблющимся, и лишает чистых и непорочных помышлений. Для Содомлян причиною их развращения и гибели было не одно пьянство, но и пресыщение чрева. Слушай, как Господь чрез пророка укоряет Иерусалим (Иез. 16, 49). От чего согрешила сестра твоя, Содома, если не от того, что ела хлеб свой досыта и пресыщения? Поелику чрез такое насыщение хлебом они разжжены были неугасимым жаром похоти плотской, то по суду Божию были с неба пожжены серным огнем. Если таким образом их одна чрезмерность в употреблении хлеба по страсти пресыщения низвергла в стремнинную про-

пасть развращения, то что сказать о тех, которые, при цветущем здоровьи тела, позволяют себе есть мяса и пить вино в непомерном количестве, употребляя их, не сколько требует немощь, а сколько внушает самоугодливое похотение.

27. Св. отцы мерою воздержания в пище положили то, – чтоб пищу, которую принимать заставляет нас необходимость поддерживать жизнь тела, переставали мы вкушать, когда еще хочется есть. Судя по сему и немощный телом может являть добродетель воздержания в совершенстве, наравне с крепкими и здоровыми, если силою воли будет обуздывать пожелания яств, когда сего не требует брэнность плоти. Ибо и Апостол говорит: *плоти угодия не творите в похоти* (Рим. 13, 14). Он не совсем запретил иметь попечение о теле, а не велел только, чтоб это делалось по похоти, – похотливую заботу о плоти отъял, а разумного, необходимого для жизни содержания ее не исключил; запретил первое, чтоб чрез поблажку плоти не ниспали мы до пагубных дел похотливых, а дозволил второе, чтоб тело, будучи расстроено неразумною строгостию, не оказалось бессильным к исполнению духовных наших занятий и трудов.

28. Итак, мера воздержания должна быть определяема судом совести каждого. Всякий должен назначить себе – настолько воздерживаться, сколько требует сего брань плотского востания. – Посты, уставом определенные, всеконечно должно соблюдать; но если после них не будет соблюдаема воздержность в употреблении пищи, то соблюдение их не доведет до совершенной чистоты. Голодание в продолжительные посты будет иметь плодом только временное в ту пору изнеможение и истомление тела, а не и чистоту целомудрия, если вслед за тем пойдут насыщение тела вдоволь: так как чистота души неразрывно связана с голоданием чрева. Не имеют постоянной чистоты целомудрия, кто не довольствуется тем, чтобы держать постоянную ровность воздержания. Строгие посты, если за ними последует излишнее послабление себе в пище, бывают ни во что, и плод их скоро вытесняется страстию чревоугодия. Почему лучше разумное с умеренностию подкрепление себя пищею каждый день, нежели по временам долгий и крайне строгий пост. Неумеренное неядение умеет не только колебать постоянство и твердость души, но и совершение молитв делать безжизненным по причине изнеможения тела.

29. Для сохранения чистоты души и тела не достаточно одного воздержания в пище, если к сему не будут присоединены и прочие добродетели душевные. Так перво-наперво надо научиться смирению чрез добродетель послушания, сокрушение сердца и утомление тела. Денег не только имения должно избегать, но и самое желание их с корнем исторгать. Ибо не довольно не иметь их, – что большею частию бывает и по необходимости, но не должно допускать самого желания иметь их, если б случайно они были предложены. Надобно ярость гнева подавлять, отяжеление печали преодолевать, суетную славу презирать, высокомерие гордости попираť, а также и ума непостоянные и шатательные туда и сюда отбегания обуздывать непрестанным памятованием о Боге. Всякий раз надобно нам возвращать сердце наше от парительного блуждания к созерцанию Бога, как только лукавый враг, покушаясь отвлечь ум наш от сего созерцания, вкрадется в тайники сердца.

30. Тот никогда не может подавить возбуждений похоти, когда она загорится, кто не силен бывает обуздать позывов чревоугодия. Чистота внутреннего человека распознается по совершенству сей добродетели. Ибо никак не поверишь, чтобы мог поспорить в борьбе с сильнейшими соперниками тот, кого видишь преодолеваемым слабейшими в легкой схватке.

31. Итак первую нам надо попраť похоть чревоугодия, – и ум свой утончить не только постами, но и бдениями, а также чтением и непрестанным сокрушением сердца при воспоминании обо всем, чем прельщены или побеждены были, то стена при чувстве ужаса от множества грехов, то горя желанием совершенства и чистоты. И до того надо его довести, чтобы он, будучи занят и как бы поглощен такими подвижническими трудами и помышлениями, самое подкрепление себя пищею почитал не столько дозволенным предметом удовольствия, сколько бременем наложенным в виде наказания, и приступал к нему более как к неизбежно необходимому для тела, нежели сколько как к желательному для души. Если будем себя постоянно дер-

жать в таком духовном попечении и сокрушении, то скоро укротим похотливость плоти, доходящую до крайнего неистовства при подогревании ее яствами, и притупим пагубные жала ее. Так можем мы при обилии слез и непрерывности плача сердечного угащать печь тела нашего, царем вавилонским, т. е. диаволом, в нас возжигаемую чрез подстроение нам случаев ко грехам и возбуждению страстей, коими тогда мы, подобно прибавке нефти и смолы в печь, сильнее разгораемся (на непотребное); пока благодатию Божиею, чрез веяние ее духа росного в сердцах наших совсем не будут потушены в нас пламы похоти плотской. И вот наше первое состязание – желанием совершенства погашать похоть пространнопитания и чревоугодия! Чего ради не только излишних яств желание надо подавлять созерцанием добродетелей, но и необходимую для естества нашего пищу, как неблагоприятную целомудрию, принимать не без заботливой осторожности сердечной. И течение нашей жизни должно установить таким образом, чтобы ни в какое время не отвлекаться от духовных занятий, разве только когда слабость тела побудит снизойти к необходимому о нем попечению. Но и когда, более удовлетворяя потребности жизни, нежели рабствуя вожделению души, подчиняемся этой необходимости, должны как можно скорее спешить оставлять то, как дело, отвлекающее нас от спасительных занятий. И во время самого принятия пищи не надо отставать от сих занятий. Ибо мы никак не можем отклониться от услаждения подлежащими яствами, если душа, приковав внимание к Божественному созерцанию, не будет услаждаться в то же время паче любовью к добродетелям и красотой вещей необходимых. Да и вообще все настоящее начинает быть презираемо как тленное, когда кто держит взор ума неотлучно прикованным к благам нетленным и вечным, еще во время пребывания в теле вкушая уже сердцем блаженство жизни будущей.

32. Победив таким настроением похоть чревоугодия и пространнопитания, как не рабы уже плоти, мы будем признаны достойными вступить и в высшие противоборства, – сразиться с нечистыми силами, которые обыкновенно вступают лично в борьбу только уже с победителями. Таким образом подавление плотских вожделений оказывается неким солиднейшим основанием всех браней. Не победив своей плоти, никто не может законно сражаться; а кто не законно сражается, не венчается.

33. Хочешь ли слышать истинного борца Христова, сражающегося по законному правилу ратоборства? – Внимай. – Лз, говорит он, *тако теку, не яко на неверное, тако подвизаюсь, не яко воздух бияй; но умерщвляю и поработаю тело мое, да не како проповедуя другим сам неключим буду* (1 Кор. 9, 26, 27). Видишь, как он в себе самом, т. е. в плоти своей, как на твердейшем некоем основании, установил главное дело ратоборства и весь успех борьбы совместил в одном измождении плоти и покорении тела своего? Лз, говорит, *тако теку, не яко на неверное*. Не течет на неверное тот, кто, созерцая Небесный Иерусалим, имеет в нем неподвижную мету, к коей ему должно неуклонно направлять скорое течение сердца своего. Не течет на неверное тот, кто, забывая заднее, простирается в преднее, стремясь к предназначенной почести вышнего звания *Божия о Христе Иисусе* (Флп. 3, 13–14), куда устремляя всегда взор ума своего и куда спеша со всею готовностью сердца своего, с уверенностью взывает: *подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох* (2 Тим. 4, 7). И поелику сознавал, как неутомимо, с живейшим по всей совести рвением, тек *в след вонн* мастей Христовых (Песн. 1, 3), и умерщвлением плоти успешно одержал победу в духовном ратоборстве; то с несомненным упованием наводит, говоря: *прочее соблюдается мне венец правды, егже воздаст ми Господь в день он, Праведный Судия* (2 Тим. 4, 8). А чтобы и нам открыть подобную надежду воздаяния, если в подвиге того же течения будем подражать ему, прибавил: *не токмо же мне, но и всем возлюбившим явление Его* [18], провозглашая, что в День Суда и мы соделаемся причастными его венцу, если, любя Пришествие Христово, – не только, в коем Он явится и для не желающих, но особенно то, в коем Он всегда сшествует святым душам, – одержим победу в ратоборстве чрез умерщвление плоти. О сем последнем Пришествии Господь говорит в Евангелии: *Аз и Отец Мой придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). И еще: *се стою при дверех*

и толку: аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему, и вечеряю с ним, и той со Мною (Откр. 3, 20).

34. Впрочем, Апостол не один только подвиг течения, совершенный им, описывает, говоря: *Аз тако теку, не яко на неверное*: [что в особенности относится к устремлению ума и горячности духа его, коими он со всем жаром последовал Христу, с Невестой воспевая: *в след Тебе в воню мира Твоего течем* (Песн. 1, 3); и еще: *прильпе душа моя по Тебе* (Пс. 62, 9)]; но свидетельствует, что он и в другом еще роде ратоборства одержал победу, когда говорит: *такو подвизаюся, не яко воздух бияй: но умерщвляю тело мое и порабощаю*: что собственно относится к преболезненным трудам воздержания, к телесному пощению и измождению плоти. Тут он представляет себя бодренным неким борцом со своею плотию, обозначая, что не напрасно давал ей удары воздержания, но что чрез умерщвление своего тела успел стяжать торжество победы, – когда, укротив его бичами воздержания и измождив ударами пощения, доставил духу победителю венец бессмертия и пальму нетления. Видишь законный порядок ратоборства, усматриваешь исход духовных состязаний, – как борец Христов, одержав победу над бунтовщицею – плотию, и повергши ее некакo под ноги свои, как великий триумфатор, везется на победной колеснице?! – Не на неверное течет он, так как уверен, что скоро внидет во Святой Град, Небесный Иерусалим. *Тако подвизается* в постах, т. е. и умерщвлении плоти, *не яко воздух бияй*, т. е. не яко напрасно дающий удары воздержания, потому что он ими не пустой воздух, но духов злобы, вращающихся в нем, поражал чрез умерщвление своего тела. Ибо кто говорит: *не яко воздух бияй*, тот дает разуместь, что не пустой и не порожний воздух поражает, но вместе и неких сущих в нем. Поелику он, преодолев эти роды браней (т. е. с телом), снова выступал теперь украшенный многими победными венцами: то естественно стал подвергаться нападениям сильнейших врагов и, восторжествовав над первыми из них завистниками, в благонадежии начал возглашать: *несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12).

35. Для борца Христова, пока он в теле, никогда не оскудевают случаи к получению пальм за ратоборство; но чем более возвышается он успехами своих побед, тем более сильный ряд ратоборств предлежит ему. Ибо после того, как победит он и покорит себе плоть свою, какие толпы супостатов, какие полчища врагов восстанут против сего победоносного воина Христова, быв раздражены его победами! Это, – чтоб воин Христов, нежась покоем мира, не стал забывать о славных боях своего ратоборства, и, опустившись от бездействия, в чувстве безопасности от врагов, не потерял охоты и мужества оказывать победные доблести, достойные высших наград. Итак, если не умаяясь, а возрастая в силе и мужестве, желаем достигнуть высших победных триумфов, то и нам следует в том же порядке проходить бранные подвиги, – и сначала совершить то, в силу чего можем с Апостолом говорить: *тако подвизаюся, не яко воздух бияй; но умерщвляю тело мое и порабощаю*, – а потом, когда возьмем верх в этом бое, вступить и в такой, по успехе в коем могли бы мы опять с Апостолом говорить: *несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, духовом злобы поднебесным*. Ибо с этими мы никаким образом иначе вступить в ратоборство не можем, как после победы над плотию, – и никогда не удостоимся мы испытать борьбу с духами, если все будем низлагаемы в борьбе с плотию и поражаемы в состязании с чревом. И по справедливости будет нам сказано от Апостола с укором: *искушение вас не постиже, точию человеческое* (1 Кор. 10, 13).

36. Монах, желающий достигнуть подвига внутренних браней, пусть наперед такую назначит себе и держит предосторожность, чтоб прежде уставом определенного и для всех общего часа подкрепления себя пищею, и притом вне трапезы, отнюдь не позволять себе принять что-нибудь из пищи или питья, какая бы приятность и сладость их ни манила к тому. Но и по окончании трапезы да не попускает он себе дерзнуть на нечто подобное, хотя бы то в малейшей малости. Равно должно ему строго соблюдать время и меру сна, как уставом поло-

жено. И этого рода похотения с таким же рвением надобно отсекасть, с каким должны мы отсекасть движения блудной страсти. Ибо кто не мог подавить излишние пожелания чрева, тот как сможет погасить разжжение плотского вожделения? И кто не мог укротить страсти явные и малые, тот как возможет победить тайные, проторгающиеся без всяких свидетелей?

37. Не внешнего врага надобно нам бояться; враг наш заключен в нас самих. Почему и ведется в нас непрестанно внутренняя война. Одержимы мы в ней победу, – и все внешние брани сделаются ничтожными, и все станет у воина Христова мирно, и все ему покорно. Нечего будет нам бояться врага совне, когда то, что есть внутри нас, быв побеждено, покорится духу. Не должны мы верить, что нам для совершенства сердца и чистоты тела может быть достаточен один тот пост, который состоит в воздержании от видимых яств. Нет, к сему должно присокупить еще и пост души. Ибо и она имеет свои вредные яства, от коих, отучнев, впадает в обрывы сладострастия и без обилия телесного питания. – Осуждение ее есть пища, и притом преприятная. Гнев также ее есть пища, хотя не так легкая, а подчас вредная, и даже смертоносная. Зависть есть пища души, ядовито повреждающая ее соки и непрестанно мучающая ее – несчастную счастливыми успехами других. Тщеславие ее есть пища, которая на время услаждает ее приятным вкушением, а после делает пустою, обнаженною и лишенною всякой добродетели, и оставляет бесплодною и не способною приносить плоды духовные, – и следовательно, не только лишает воздаяния за безмерные труды, но и привлекает большие наказания. Всякое похотствование и блуждание сердца непостоянного есть некое пасение души на своего рода пастбище, питающее ее вредными яствами, Небесного же хлеба и твердой пищи делающее непричастною. Почему в святом пощении нашем удерживаясь от всего этого, сколько сил есть, мы соделаем целесообразным и благоплодным соблюдение телесного поста. Ибо утруждение плоти, быв соединено с сокрушением духа, представит приятнейшую Богу жертву и устроит достойное Его святости обиталище в чистых и благоукрашенных сокровенностях сердца. Но если, постясь телесно, мы будем опутываться пагубнейшими страстями душевными, то никакой не принесет нам пользы измождение плоти, когда при этом оскверненными остаемся в драгоценнейшей нашей части, когда т. е. мы бываем неисправны тою частию нашего естества, которая собственно соделовается жилищем Св. Духа. Ибо не плоть тленная, а сердце чистое соделовается обиталищем Богу и храмом Духа Святого. Итак надлежит нам, когда постится внешний наш человек, и внутреннего удерживать от вредных вкушений. Его особенно представлять чистым Богу, чтоб сподобиться принять в себя посетителем Христа, увещевает св. Апостол, когда говорит: *во внутреннем человеце вселитися Христу верую в сердца ваша* (Еф. 3, 16–17).

38. Пищу надо избирать такую, которая бы умеряла, а отнюдь не возбуждала жар похоти плотской, и притом была удобоприобретаема и сообразна с общим обычаем и употреблением братий. Чревоугодие проявляется в трех видах: один побуждает упреждать уставом определенный час принятия пищи; другой любит насыщать и переполнять чрево пищею, какого бы рода она ни была; третий удовлетворяется лишь приятнейшими и изысканнейшими яствами. Почему против него монах должен соблюдать тройкое правило: во-первых, ожидать уставного времени разрешения на пищу; потом не поблажать пресыщению; в третьих, довольствоваться простою какою-нибудь и дешевою пищею. А что в сем отношении допускается не сообразного с общим обычаем и употреблением, того древнейшее предание отцов не одобряет, как оскверненного суетностию, тщеславием и хвастливостию. И мы никого не видели из тех, кои отличались даром ведения и рассуждения, и никого не знали из тех, коих благодать Божия выставила вперед, как блистательнейшие светила для подражания, которые бы воздерживались от вкушения хлеба, почитаемого простым и не ценным. И наоборот никогда не видали мы, чтоб кто-нибудь из тех, которые употребляли только зелень, овощи и древесные плоды, имелся в числе опытнейших мужей или сподоблялся благодати рассуждения и ведения.

39. Дела любви должно предпочитать посту. Этому научились мы у египетских отцов. Ибо когда мы, желая узнать правила сих старцев, пришли из Сирии в Египет, то нас принимали там с изумительно живым радушием сердечным, – и куда бы мы ни проходили, нигде для успокоения нас не стеснялись соблюдением определенного уставом часа для принятия пищи, как мы обвыкли видеть в монастырях Палестинских, – но везде разрешали на пищу прежде того, кроме только среды и пятка. Один из старцев, когда мы спросили его, почему у них так свободно мимоходится правило каждодневного поста, ответил нам: пост всегда со мною, вас же я не могу удержать с собою навсегда. Притом хотя пост многополезен и всегда нужен, но он составляет жертву произвольную; исполнение же дела любви есть неотложимое требование заповеди. Итак принимая в вас Христа, я должен напитать Его. Когда же провожу вас, тогда сделанное ради Него снисхождение могу вознаградить строжайшим постом. *Ибо не могут сыны брачнии поститься, дондеже жених с ними есть. Приидут же дние, егда отыметя от них жених, и тогда постятся* (Лк. 5, 34, 35).

40. Крайности, как говорят св. отцы, с той и другой стороны равно вредны, – и излишество поста, и пресыщение чрева. Знаем мы некоторых, которые, не быв побеждены чревоугодием, низложены были безмерным постом, и впали в ту же страсть чревоугодия по причине слабости, происшедшей от чрезмерного поста.

41. Нам надобно заботиться как о том, чтобы по желанию плотского удовольствия не принимать пищи прежде назначенного времени или сверх меры, так и о том, чтоб употреблять ее в назначенный час, хотя бы и не хотелось; потому что и чрезмерное желание плотского удовольствия, и отвращение от пищи возбуждаются врагом нашим. Притом неумеренное воздержание вреднее пресыщения; потому что от последнего, в силу раскаяния, можно перейти к правильному действованию, а от первого нельзя.

42. О том, как пройти между обеими крайностями, соблюдая разумную мерность, прежние отцы наши часто рассуждали, и всем родам пищи предпочли хлеб, и мерою употребления его постановили – два небольшие хлебца весом около фунта.

43. Общее правило умеренности воздержания состоит в том, чтобы каждый сообразно с силами, состоянием тела и возрастом столько пищи вкушал, сколько нужно для поддержания здоровья тела, а не сколько требует желание насыщения. Кто не соблюдает одинаковой меры, – но то постится чрезмерно, то пресыщается; тот вредит как молитве, так и целомудрию: молитве, – потому что от неядения не может быть бодрым в молитве, клонясь от бессилия ко сну; а целомудрию, – потому что тот огонь плотской похоти, который возжигается от чрезмерного употребления пищи, продолжает действовать и во время строгого поста.

44. Мерное употребление пищи, по мнению отцов, состоит в ежедневном употреблении столько пищи, чтобы после вкушения ее еще чувствовался голод. Такая мера сохранит душу и тело в одинаковом состоянии и не попустит человека вдаваться ни в чрезмерный пост, расслабляющий тело, – ни в пресыщение, подавляющее дух.

45. Предлагаем еще одно спасительное наставление блаженного Макария, чтоб книгу нашу о постах и воздержании назидательно заключить мнением такого мужа. Он говорит, что монах так разумно должен вести дело пощения, как бы имел пребыть в теле сто лет; и так обуздывать душевные движения, – забывать обиды, отрывать печаль, ни во что ставить скорби и потери, – как могущий умереть каждый день. Этим советуется – в отношении к первому, т. е. посту, душеполезное благоразумие, которое бы заставляло монаха шествовать всегда путем ровной строгости в воздержании, не позволяя ему в случае даже изнеможения тела переходить от строгости к излишеству; а в отношении ко второму, т. е. обузданию движений душевных, – спасительное великодушие, которое было бы сильно не только презирать то, что кажется благополучным в мире сем, но и пребывать несокрушимым несчастьями и скорбями, и пренебрегать ими как ничтожными, туда имея постоянно устремленным взор ума своего, куда каждый день и каждую минуту чает быть позванным.

6. Борьба с духом блуда (Кн. 6)

46. Вторая у нас, по преданию отцов, борьба есть – с духом блуда, – борьба паче других долгая, всегдашняя, и весьма не многими начисто препобежденная, – брань лютая, которая начинает бороться с первого возраста зрелости, – и не престаёт прежде препобеждения прочих страстей. Поелику восстание здесь бывает двоякое, двояким вооруженное оружием к борьбе, то и противостоять ему надобно тоже с двояким оружием в руках. Не достаточно одного телесного поста к стяжанию совершенной чистоты целомудрия; его превосходить должны покаянное сокрушение духа и неотступная молитва против этого нечистейшего духа; потом непрестанное поучение в Писаниях в соединении с умным деланием, также труд телесный и рукоделие, удерживающее сердце от блуждания и возвращающее его в себя, паче же всего глубокое истинное смирение, без которого ни над какую страстию никогда не может быть приобретена победа.

47. Преображение этой страсти условливается совершенным очищением сердца, из которого, по слову Господа, исходит яд этой болести. *От сердца бо, говорит Он, исходят помышления злая... прелюбодеяния, любоддеяния и проч.* (Мф. 15, 19). Итак прежде надо очистить то, откуда исходит источник жизни и смерти, как говорит Соломон: *всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходяща живота* (Притч. 4, 23); ибо плоть покорствуется его произволению и власти. Закону постнического скуднопитания всеконечно должно следовать со всем усердием, чтоб обилием яств насыщенная плоть, воспротивясь велениям души, в буйстве не низвергла долу правителя своего – духа. Но если мы всю суть своего дела совместим в одном измождении тела, не постничествуя в то же время душою от прочих страстей и не занимая ее ни поучением в Божественном, ни другими духовными деланиями; то никак не возможем востечь на самый верх истинной чистоты; потому что в таком случае то, что в нас есть господственное, будет осквернять наше тело, хотя бы оно было чисто. Итак нам должно, по указанию Господа, *прежде очистить внутреннее сткляницы и блюда, да будет и внешнее их чисто* (Мф. 23, 26).

48. Прочие страсти обыкновенно очищаются, кроме прочего, и обращением с людьми и каждодневными с ними занятиями и делами, и некакo врачуются самою неприятностию и досадою по причине падения в них. Так, например, порывы гнева, оскорбления, нетерпеливости, кроме сердечного поучения и бодренного внимания, врачуются и посещением братий и частым вызыванием сих страстей. Так как они, будучи при сем раздражаемы, чаще обнаруживаются, то чаще и обличаются, и скорее потому уврачевываются. Но эта болезнь, при измождении тела и сокрушении сердца, имеет нужду также в уединении и удалении от людей, чтоб, имея таким образом отклоненными поводы к пагубному лихорадочному разжжению ее, прийти скорее в состояние совершенного оздоровления. Как для больных какою-либо болезнью полезно бывает, чтоб вредные для них яства и на глаза им не были приносимы, дабы при взгляде на них не родилось у них смертоносное желание: так и к прогнанию этой особенно болести (похотливости) много очень способствуют безмолвие и уединение, чтобы больная душа, не будучи вызываема вне разными лицами и вещами, свободнее восходила к чистейшему умному созерцанию и чрез то удобнее могла с корнем исторгать заразительное возбуждение похотения.

49. Иное дело быть воздержным, и иное – чистым, пришедшим в невозмутимое состояние целомудренной непорочности и девственной невинности. Такая добродетель приписывается одним девственникам и девственницам душою и телом, какими признаются, например, в Новом Завете оба Иоанна (Предтеча и Евангелист), а в Ветхом – Илия, Иеремия, Данииил. На их степени стоящими не несправедливо почесть и тех, кои, по падении, долгими подвижническими трудами и ревностным взысканием потерянного достигли до подобного им состояния чистоты и непорочности душевной и телесной, и жало плоти чувствуют не столько по нападению срамной похотливости, сколько по движению лишь естества. И вот такого-то состояния, говорим мы, крайне трудно достигнуть среди многолюдства, – даже и не невозможно ли? –

Что впрочем всякий пусть не чает узнать из нашего рассуждения, а сам пусть доищется до сего чрез испытание своей совести. – Мы не сомневаемся, что есть очень много воздержных, которые нападение плоти, редко ли или каждодневно ими испытываемое, прогоняют и подавляют то страхом геенны, то желанием Царства Небесного. Относительно них старцы полагают, что хотя они могут не быть совсем расстроены и побеждены страстными раздражениями, нельзя однако ж им быть безопасными от нападений и совсем неуязвимыми. Ибо тому, кто находится в положении борющегося, хотя он и часто побеждает и одолевает противника, неизбежно иногда и самому испытывать тревогу и уязвление.

50. Если по сердцу нам с Апостолом законно подвизаться подвигом духовным (2 Тим. 2, 5); то не на свои силы (потому что человеческие усилия не сильны это совершить), но на помощь Господа надеясь, положим со всем рвением побеждать этого нечистейшего духа. Ибо до тех пор эта страсть не перестанет оспаривать у души победу, пока она (душа) не сознает, что успешно вести такую борьбу выше ее сил, и что она своими трудами и своим усилием никак не может одержать победу, если не будет подкреплена помощью и заступлением Господа.

51. И действительно, если всякий успех в добродетели есть дело благодати Господа и преодоление всякой страсти есть Его победа, то преимущественно это дело (т. е. стяжание чистоты и преодоление похотной страсти), есть особенная благодать и дар, как подтверждается мнениями свв. отцов и опытами очищения от сей страсти по свидетельству тех, кои сподобились стяжать его. Ибо не чувствовать жала плоти есть некоторым образом то же, что, пребывая в теле, выйти из плоти, облекаясь плотию, быть вне естества. И потому невозможно человеку на своих, так скажу, крыльях взлететь на такую небесную высоту совершенства, если благодать Господня даром чистоты не извлечет его из тины земной. Ибо люди плотяные никакою добродетелию так близко не уподобляются Небесным Ангелам в подражании их жизни, как стяжанием благодати чистоты, чрез которую они, еще продолжая жить на земле, имеют, по Апостолу, *жительство на небесех* (Флп. 3, 20), и здесь, в брэнной плоти, обладают уже тем, что обещается святым в будущей жизни, по отложении тленной плоти.

52. Слушай, что говорит Апостол: *всяк подвизаясь от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25). Он выставляет подвизающегося на ристалищах в образец нам в духовном нашем подвижничестве. Тот для успеха в состязаниях не только от всякой запрещенной пищи, пьянства и нетрезвости воздерживается, но и от бездействия, праздности и лени, стараясь постоянным упражнением и вниканием в дело и силы свои развить, и умение приобрести; он оставляет всякую заботу и печаль о делах житейских и супружеских, одною томя себя заботою, как бы возыметь успех и получить победный венец; особенно же он заботится хранить себя чистым от осквернения плотского, чтоб даже и во сне как-нибудь не обольститься срамными грезами и чрез то не умалить силы, приобретенной долгим временем и немалою заботою. Тут видишь ты все, что надлежит делать и духовному подвижнику; видишь и то, что для успеха в духовном твоём делании и тебе предлежит преимущественно хранить чистоту и целомудрие. Ибо если там в мирских внешних состязаниях о венцах тленных так необходима чистота, то сколь безмерно необходимее она в нашем духовном внутреннем стремлении к венцам Небесным? У нас требуется не внешняя только чистота от плотского греха или невольного осквернения, но наипаче и внутренняя чистота мысли и чувства. Нам надлежит всяким хранением чистыми блюсти самые сокровенности сердца. Что те (ристалищные состязатели) желают иметь только телесно, тем мы должны обладать в глубинах совести, в коей подвигоположник наш Господь зрит до малейших черт все движения нашего произволения. Надлежит убо нам тому, что боимся сделать открыто, не допускать возникнуть внутри неосторожным помышлением, и что стыдимся обнаружить пред людьми, тем не оскверняться и тайным в сердце согласиём. Ибо хотя это и может укрыться от людей, но не может утаиться от Ангелов и Самого Всемогущего Бога, от Которого не сокрыты никакие тайны.

53. Признаком и мерою совершенства стяжанной чистоты можно поставить то, если у нас, когда отдыхаем или разнеживаемся в глубоком сне, не возникает никакого обольстительного образа, или если возникает какой, то не силен бывает возбудить никаких движений похотных. Ибо такое движение, хотя не вменяется в полную вину в грехе, однако ж служит верным признаком, что душа еще не достигла совершенства, и показывает, что страсть еще не дочиста исторгнута, когда мечтательные образы успевают производить такого рода наругание.

54. Качество помыслов, которое среди развлечений дня не совсем тщательно охраняется, обнаруживается во время ночного покоя; и потому, когда случилось сказанное наругание, то в этом не сон должно почитать виновным, а нехранение внимания в предшествующее время, и видеть в сем обнаружение скрывающейся внутри болести, которую ночной час не породил впервые (как не бывшую прежде), а только скрытую во внутренних фибрах души вывел на поверхность кожи во время подкрепления тела сном, обнаруживая внутренний лихорадочный жар страсти, который сами мы возожгли, питаясь в продолжение всего дня не добрыми помыслами. Так и телесные болезни не в то время порождаются, в какое видимо обнаруживаются, но наживаются в предшествующее тому время, когда кто, без осторожности питаясь всякою вредною для здоровья пищею, собирает в себя болезнеродные соки.

55. Се и Сам Бог, Творец и Создатель всего рода человеческого, зная лучше всех природу творения Своего, туда направляет врачевание, откуда главным образом исходят причины страстной болести сей, когда говорит: *всяк, иже воззрит на жену, ко еже возжелети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Делая замечание о сладострастии глаз, Он не столько их обличает, сколько то внутреннее чувство, которое худо пользуется их услугою в смотре. Это сердце, больное и уязвленное стрелою похотения, смотрит с вождением, — благодеяние зренья, дарованное Творцом на добро, обращая по своей страстности на служение худым делам и скрытую в нем самом болезнь сладострастия изводя в явь по поводу воззрения. Почему и спасительная заповедь предписывается тому, по чьей страстности происходит злое уязвление чрез зрение. Ибо не говорится: всяким хранением блюди очи твои, но: *всяким хранением блюди свое сердце* (Притч. 4, 23).

56. Первым и главным действием хранения чистоты сердца да будет у нас то, чтоб, когда по тонкой подсаде диавольской злокозненности, прокрадется в ум наш воспоминание о каком-либо лице женского пола, хотя бы то матери, сестер, родных и даже святых жен, — мы как можно скорее спешили изгнать его из наших мыслей; дабы, если долго промедлим в таких помышлениях, враг наш обольститель от этих жен не перевел незаметно ума нашего и к таким, чрез которых мог бы всеять душевредные мысли. Почему стараясь исполнить заповедь: *всяцем хранением блюди свое сердце*, мы должны, по первоначальному Божию повелению, заботливо блюсти ядоносную главу змия (Быт. 3), т. е. начатки злых помышлений, чрез которые диавол покушается вползти в нашу душу; чтобы, если глава его по нашему небрежению проникнет в наше сердце, не вползло туда и все тело его, т. е. не породилось из нечистых помышлений и согласие на греховное услаждение. Когда же враг будет впущен внутрь, то, пленив душу, конечно убьет ее ядовитым угрызением своим. Возникающих *на земле нашей грешников*, т. е. плотские чувства, также должны мы *избивать во утробу* их рождения (Пс. 100, 8), и *разбивать о камень* сынов Вавилона, пока еще они младенцы (136, 9). Ибо если не будут они избиты, пока еще нежны и слабы, то выросши, по нашему потворству, они с большою силою восстанут на нас, и — или погубят нас, или, если будут побеждены, то конечно не без больших воздыханий и трудов. Ибо *когда крепкий* т. е. дух наш, *вооружився хранит дом свой*, т. е. охраняет покой сердца нашего Страхом Божиим, тогда *в мире суть имения его* (Лк. 11, 21), т. е. плоды трудов его и добродетели, долгим временем стяжанные. *Когда же крепльший его нашед победит его*, т. е. диавол чрез согласие с внушенными от него помыслами, тогда *все оружие его возмет, на неже упова*, т. е. памятование Писаний, или Страх Божий, — *и корысть его раздаст* (Лк. 11, 22), т. е. навыки в добродетелях развеет всякими противоположными им пороками.

57. *Сия есть*, говорит св. Павел, *воля Божия – святость ваша* (1 Фес. 4, 3). И чтоб не оставить в нас сомнения или темного непонимания, что именно называет он святостию, – правду ли, или любовь, или смирение, или терпение, – ибо всеми сими добродетелями приобретает святость, – он далее прямо обозначает, что собственно хотел назвать святостью: *сия есть воля Божия святость ваша, хранить себе самех от блуда, и вести комуждо от вас свой сосуд стяжевати во святыни и чести, а не в страсти похотней, якоже и языцы неведущии Бога* (1 Фес. 4, 3–5). Смотри, какими похвалами превозносит он целомудрие, называя его честию сосуда, т. е. тела нашего, и святынею. Следовательно, напротив, кто пребывает в страсти похотней, тот находится в состоянии бесчестия и нечистоты и живет чуждо святости. – Немного ниже св. Павел еще прибавляет, опять называя целомудрие святостию: *не призва бо нас Бог на нечистоту, но во святость. Темже убо отменяяй* (презираяй сие), *не человека отменяет, но Бога давшего Духа Своего Святого в нас* (там же – ст. 7, 8). Ненарушимую силу и важность придал он заповеди своей, когда сказал, – что кто отменяет сие, т. е. то, что я сказал, тот не человека презирает, т. е. меня заповедающего сие, но Бога, во мне говорящего, Который и Духу Своему Святому назначил в обителище сердце наше. Видишь ли, какими в простых словах похвалами превознес он сию добродетель! Во первых, ей собственно приписывает святость, потом утверждает, что ею сосуд тела нашего освобождается от всякой нечистоты; в третьих, что, извергну срамную нечистоту, сосуд сей будет пребывать в чести, как святыня; наконец, что есть самое высшее ее преимущество, чрез нее обитателем сердца нашего будет Дух Святой.

58. Приведу и другое подобное сему свидетельство того же Апостола. – Пища к Евреям, он говорит: *мир имейте со всеми и святыню, еяже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14). И здесь также он ясно утверждает, что без святости, которую обыкновенно называет непорочною и чистотою души и тела, совершенно невозможно видеть Бога.

59. Чем выше и небеснее есть достоинство целомудрия, тем сильнейшие вызывает оно наветы вражеские. Почему тем усиленнее должны мы соблюдать не только воздержание тела, но и сокрушение сердца с непрестанными молитвенными воздыханиями, чтоб пещь плоти нашей, которую царь Вавилонский непрестанно покушается поджечь поджошками плотских подсад, непрестанно же угашать и охлаждать нисходящею в сердца наши росой Духа Святого.

60. Такое настроение можно нам удерживать постоянно, если будем всегда помнить, что Бог есть ночной и дневной зритель и знатель не только тайных дел наших, но и всех помышлений, – и веровать, что мы имеем дать Ему ответ и за все, что вращается в сердце нашем, как за все дела и поступки наши.

61. Чтоб даже во время сна нечистые грезы не оскверняли нас, для этого всегда надобно держать равномерно умеренный пост. Ибо кто нарушит разумную меру строгости в воздержании от пищи, тот потом непременно зайдет и за должную меру послабления себе в сем. С изменением же меры подкрепления себя пищею неизбежно должно изменяться и качество нашей чистоты. – Но при сем должно иметь постоянное смирение сердца и терпение, равно как внимательное предохранение себя в течение дня от гнева и прочих страстей. Ибо коль скоро упадет в нас огонь гнева, то после легко проникнет к нам и жар похоти. Паче же всего необходимо бодренное блюдение себя ночью. Ибо как чистота и охранение себя днем предуготовляют чистоту ночную, так и ночная бодренность предпосылает сердцу равно как и вниманию к себе силу и крепость противостоять всему нечистому дню.

62. Можно ли совсем погасить огонь похоти, коей жар как бы врожденным чувствует в себе плоть наша? – Поищем наперед, что полагает о сем блаженный Павел. *Умертвите*, говорит он, *уды ваша, яже на земли* (Кол. 3, 5). Какие же это уды заповедует он умерщвлять? – Конечно, не руки и ноги или другие какие части отсекаль; а истреблять тело греховное, о коем в другом месте говорит он: *да упразднится тело греховное плоти* (Рим. 6, 6), – и которое, как всякое другое тело, имеет и свои члены. Их-то и заповедует Апостол умертвить. А какие это именно,

он тут же и перечисляет. – Ибо сказав: *умертвите уды ваша, яже на земли*, продолжает: *блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание, еже есть идолослужение*. Первый член – *блуд*: это грех плотского незаконного сокоупления; второй член – *нечистота*, которая без всякого прикосновения к женщине иногда случается во время сна или и во время бодрствования; третий член – *страсть*, которая, находясь в сокровенности души, может воспламеняться и не по действию похотения в теле; четвертый член – *похоть злая*, которая может относиться не только к вышесказанной страсти нечистой, но и вообще ко всем пагубным вожделениям, и которая есть только болезнь развращенной воли; последним членом греховного тела ставит Апостол *лихоимание*, внушая, что не только должно воздерживаться от пожелания чужих вещей, но и свои надобно великодушно презирать, как действительно и поступало упоминаемое в Книге Деяний первое общество верующих (Деян. 4, 32, 35). Из всего сказанного делаю такое заключение: если многие ради Христа отвергли свое имущество, так что не только обладание деньгами, но и желание их от сердец своих отсекали, то следует, что таким же образом можно погасить и блудное разжжение. Ибо Апостол не соединил бы невозможного дела с возможным. Но признавая то и другое возможным, заповедал равно то и другое умертвить. – И настолько блаженный Павел уверен был в возможности искоренить блудную страсть из членов наших, что не только заповедал умертвить ее, но повелел, чтоб даже и имя ее не было произносимо между нами, говоря: *блуд же и всякая нечистота и лихоимство ниже да именуются в вас, якоже подобает святым: и сквернословие, и бусловие, или кощунны, яже не подобная* (Еф. 5, 3, 4). Потому не может быть сомнения, что страсть блуда может быть истреблена из членов наших, – так как Апостол повелел отсекал их так же, как и любостяжание, суесловие, смехотворство, которых отсечение удобно.

63. Впрочем, мы должны знать, что хотя бы мы соблюли всю строгость воздержания, и именно, – голод, жажду, бдение, постоянный труд, – и с неослабным усердием занимались чтением душеспасительных книг; не можем однако ж сами, посредством этих подвигов, приобрести непрерывную чистоту целомудрия, если не придет к нам на помощь особенная благодать Божия. Да ведает всяк, что он должен неутомимо упражняться в сказанных подвигах только для того, чтобы терпеливо переносимою прискорбностию от них, приклонив к себе милосердие Божие, сподобиться Божественного дара освобождения от брани плоти и от господства преобладающих страстей, а не в той надежде, будто он сам собою посредством их может достигнуть несокрушимой чистоты целомудрия телесного, которого так желает и ищет.

64. Желания настоящих вещей не могут быть подавлены или отвергнуты, если вместо них не будут восприняты другие спасительные. Потому если желаем истребить плотские вожделения из сердец наших, то на место их должны поскорее насадить желания духовные, чтобы дух наш, всегда стремясь к предметам их, не имел ни охоты, ни времени обращать внимание на прелести преходящих радостей земных. И когда дух наш каждодневными упражнениями в духовном делании установится в таком настроении отрешения от всего, тогда опытно уразумеет и силу следующего стиха, который и все мы нередко повторяем, но силу которого ведают лишь немногие опытные: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). Только тот действительно постигает силу и смысл сего стиха, кто, достигнув до той чистоты тела и духа, о коей говорим, сознает, что он в каждую минуту охраняется Господом, чтобы опять не уклонился на прежнее, и что десница его, т. е. святыя действия, постоянно ограждается Им. Ибо Господь всегда присущ Святым Своим не по левую сторону, – потому что Святой муж не имеет ничего левого, т. е. худого, – но по правую. А для грешников и нечистых Он бывает невидимым, потому что они не имеют правой стороны, на которой Он обыкновенно бывает присущ.

65. Много степеней целомудрия, по которым восходят к непоколебимой чистоте. Лестницу такого усовершенствования целомудрия я разделю на шесть степеней, которые однако ж в действительности проходятся незаметно, по подобию наших тел, которые в каждый

день нечувствительно получают себе приращение и без нашего ведома вырастают до совершенного своего вида. – *Первая* степень целомудрия есть, – если монах не подвергается возмущению плотской похоти в бодрственном состоянии; – *вторая*, – если ум не замедляет в сладострастных помыслах; *третья*, – если при виде женщины нимало не тревожится вожделением; *четвертая*, – если в бодрственном состоянии не допускает и простого движения плотского; *пятая*, – если и самое тонкое согласие на плотское действие не ранит ума, когда рассуждение или чтение приведет на память человеческое рождение; *шестая*, – если даже и во сне не бывает возмущаем соблазнительными мечтами о женщинах.

66. Полная целомудренная чистота от начатков воздержания от похотных мыслей и движений отличается совершенным успокоением плотских возбуждений и покоем от них. Совершенно созревшее целомудрие всегда хранит невозмутимую и неколебимую чистоту тела и души, и есть ни что иное, как святость. Это бывает, когда *плоть*, перестав *похотствовать на духа*, начинает согласоваться с его желаниями и добродетелию, и когда они оба соединятся между собою твердым миром, и, по изречению Псалмопевца, как братья станут жить вкупе (Пс. 132, 1). – Тогда и Бог с ними бывает; ибо говорится, что *в мире место Его* (Пс. 75, 3), – т. е. не в шуме брани и борьбы со страстями, а в мире целомудрия и в постоянном покое сердца. Почему когда кто, чрез погашение плотских страстей, сподобится стяжать это место мира, то в то же время делается и жилищем Божиим.

в. Борьба с духом сребролюбия (Кн. 7)

67. Третья борьба предстоит нам с духом сребролюбия, – со страстию чуждою и не свойственною нашей природе, и в монахе порождающеюся не от чего другого, как от малодушия слабо-энергичной души и не как следует настроенной, и большею частию от худо положенного начала отречения от мира, в основе коего не лежала горячая любовь к Богу. Прочие движения страстей, кажется, в нас самих имеют начало, будто насажденные в человеческой природе и некако внедренные в плоть. Они, будучи современны нашему рождению, движением своим предваряют проявление в нас способности различать добро и зло, – и препобеждаются не иначе, как долгим трудом.

А эта болезнь (сребролюбие) позднее их привходит и совне навязывается душе; почему легче может быть предотвращена и извергнута. Но если по беспечности она будет пренебрежена и однажды впущена в сердце, то бывает более всех губительна и труднее всех изгоняема: ибо соделовается корнем всех зол (1 Тим. 6, 10), служа источником возбуждения разных страстей.

68. Эта страсть, если улучит власть над малодушною и холодною душою монаха, то сначала побуждает его к малому стяжанию, во впечатлительных картинах описывая ему некоторые будто справедливые и разумные причины, по коим ему необходимо или уберечь для себя несколько денег при отречении от мира, или приобрести после того. Того, жалуется она, что дается в монастыре, недостаточно, и едва сносно для здорового и крепкого тела. Что будешь делать, если приключится телесная болезнь, а у тебя не будет припрятано что-нибудь на случай, чем бы пособить себе в немощи? Содержание монастырское прескучно, небрежение же о больных превеликое. Если ничего собственного не будет у тебя, что можно бы употребить на поправление телесного здоровья, то придется тебе умереть жалким образом. – Да и самая одежда, доставляемая монастырем, недостаточна, если не промыслишь иметь нечто, на что мог бы достать себе другую. Наконец нельзя бывает все время прожить в одном и том же монастыре; а в таком случае, если не приготовишь себе денег на путевые расходы и переправу чрез море, то не сможешь, когда захочешь, переселиться оттуда, и таким образом будучи стеснен крайнею бедностию, постоянно будешь влачить жизнь работническую и жалкую без всякого успеха. – Когда такими помыслами опутает ум свой монах, тогда начинает придумывать, как бы приобрести хоть один динарий; и с этою целию приискивает какую-либо частную работу,

которую и исполняет со всею заботливостию без ведома аввы своего. Продав ее потом тайно и получив желанную монету, в страхе за нее суетится он и хлопочет, где бы ее положить или чьему бы хранению ее вверить; а между тем уже начала точить его еще острейшая забота, как бы удвоить эту монету, – и он напряженно строит важные планы, что бы такое купить на нее, и какой бы с нею употребить для сего оборот. Когда же и это удастся ему по его желанию, тогда у него возникает жаднейшая алчба золота, которая затем все тем сильнее и сильнее разгорается, чем большее количество прибыли получается: ибо с умножением денег увеличивается и неистовство страсти к ним. В поджожку ей приходят далее и другие заботливые помышления: обещается долгая жизнь, преклонная старость, немощи разные и продолжительные, которых в старости и перенести не будет возможности, если в ранние лета не заготовишь побольше денег. – Так несчастная душа, связана будучи узами сей змеи (сребролюбия), все далее и далее влечется в желании с непотребною заботою умножать не добре начатое собрание имущества, сама в себе порождая заразу, которая все жесточе и жесточе пожирает ее, подобно пламени. Будучи вся поглощена корыстолюбным помыслом, она ни на что не обращает сердечного воззрения, кроме того, откуда могла бы достать денег, чтоб с ними поскорее улететь из-под ига монастырской строгости. Коль скоро блеснет ей какая-либо надежда на получение денег, – тут она ничем уже не дорожит: из-за нее она не погнушается ни ложью, ни клятвопреступлением, ни воровством, ни нарушением верности. Словом, – золото и чаяние корысти во всем бывает для нее богом, как для иных чрево. Почему блаж. Апостол, провидя пагубный яд сей болезни, назвал ее не только корнем всех зол, но и идолослужением, говоря: *и любостяжание* (умертвите), *еже есть идолослужение* (Кол. 3, 5).

69. Есть три вида этого недуга, которые всеми отцами с одинаковым отвращением осуждаются: один тот, гибельность которого мы выше описали, – который, обольщая некоторых несчастных, убеждает их собирать то, чего они и прежде не имели, когда жили в мире; второй тот, который побуждает опять возжелать и возвратить то, что оставили в начале своего отречения от мира; третий тот, который, зарождаясь при самом не добре полагаемом начале иночества, приемлемого с несовершенным от всего отречением, не допускает тех, которых успеет заразить этою холодностию душевною, совершенно обнажить себя от всех достояний мирских, устранив их скудостью всего вперед и расслабив неверием: им потом, за удержание при себе денег и другого имущества, которые должны были оставить, отрекаясь от мира, никак не дает уже оно достигнуть Евангельского совершенства. – И в Святом Писании находим мы примеры осуждения этих трех видов падения с нелегкими для них наказаниями. Так Гиезий, желая получить то, чего и прежде не имел, не только не удостоился получить благодать пророчества, которую имел получить от учителя своего как бы по наследственному преемству, но и поражается проказою по проклятию Елисееву (4 Цар. 5, 21, 27). Иуда же, желая возвратить себе деньги, которые прежде, последовав за Христом, отверг, не только впал в предательство Господа и потерял сан апостольства, но и жизнь свою общим исходом окончить не удостоился, заключив ее самонасильственной смертью (Мф. 27, 5); а Анания и Сапфира, удержав некоторую часть из того, чем владели, из уст апостольских наказываются смертью (Деян. 5, 1-11).

70. Об этих, которые отреклись от мира, но потом, быв побеждены неверием, бояться оставаться обнаженными от всякого земного имущества, таинственно предписывается во Второзаконии: *кий человек страшлив и слаб сердцем* (да не исходит на войну) *да идет и возвратится в дом свой; да не устрашит сердца брата своего, яко сердце свое* (Втор. 20, 8). Что, спрашивается, очевиднее этого пророчества? Не явно ли желает Св. Писание, чтоб они лучше и начала не полагали такому званию, и имени его не принимали на себя, чем и других своим словом и худым примером расслаблять неверным страхом своим и отклонять от Евангельского совершенства. Итак им повелевается, чтобы уходили с брани и возвращались в дом свой, потому что с раздвоенным сердцем никто не может сражаться на войне Господней. Ибо *муж двоедушен не устроен во всех путех своих* (Иак. 1, 8). И вникая в смысл той Евангельской притчи, – в

коей говорится, что царь, вышедший с десятью тысячами против другого, шедшего на него с двадцатью тысячами, не надеясь иметь успех в сражении с ним, пока еще тот далече был от него, послал просить мира (не желая, очевидно, и начинать сражения), приходим к тому же заключению, что и означенным выше лицам лучше совсем не полагать начала отречению от мира, чем, начавши, после выдерживать его не усердно и не во всей точности, подвергая себя чрез то большой опасности. Ибо, как говорит Премудрый, *благо тебе еже не обещавайтися, нежели обещаваишя тебе, не отдати* (Еккл. 5, 4). Хорошо здесь говорится, что этот с десятью тысячами идет, а тот с двадцатью. Ибо число страстей, нападающих на нас, больше числа добрых расположений, сражающихся за нас. Но *никтоже может... Богу работами и мамоне* (Мф. 6, 24), и: *никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии* (Лк. 9, 62).

71. Такие обыкновенно позволительность для себя подобного прежнему любостяжания стараются оправдать авторитетом Св. Писания. Истолковывая его в неправом смысле, они с радостию готовы извратить и по своему желанию изменить мысль Апостола и даже Господа, не свою жизнь или разумение приспособляя к смыслу Писания, по Писанию делая насилие по желанию своего самоугодия. Желая и в настоящем случае показать, что Писание согласно с их мнением, они говорят: – написано: *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. 20, 35). Превратнейшим образом понимая сии слова, они полагают, что ими совершенно уничтожается сила того изречения, в коем говорится: *аще хоцещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим: и имети имаша сокровище на небеси: и гряди вслед Мене* (Мф. 19, 21). Думают они, что по такой благовидности им не должно оставлять свое богатство, и провозглашают себя блаженнейшими паче оставивших его, когда, будучи сами обеспечены прежним имуществом, от избытка его уделяют и другим; между тем как стыдятся воспринять со Апостолом славную нищету ради Христа и не хотят довольствоваться трудами рук своих и монастырским скудноватым содержанием. Им остается одно из двух: или сознать себя самопрельщенными и никогда не отрекавшимися от мира, когда так пристрастны к прежнему богатству; или, если хотят самым делом и трудами испытать монашеское звание, все отвергнуть и расточить, чтоб, ничего не удерживая при себе из того, от чего отrekliсь, хвалиться со Апостолом голодом и жаждою, холодом и наготою (2 Кор. 11, 27).

72. Ходит изречение св. Василия, епископа Кесарийского, которое он сказал одному сенатору, цепеневшему такую, о коей у нас речь, холодностью, – который, говоря, что отрекся от мира, удержал при себе нечто из своего имущества, не хотя содержать себя трудами рук своих и обучаться истинному смирению скудостью во всем, прискорбным трудом и монастырскою подчиненностию. – «И сенатора, сказал он ему, ты потерял, и монахом не сделался».

73. Итак, если хотим законно подвизаться духовным подвигом, то изгоним из сердец наших и этого губительного врага, – которого сколько победить не велико, столько быть от него побежденным бесчестно и безобразно. Ибо быть поражену сильным хотя больно, по причине повержения долу, и сожалеательно, по причине потери победы; но в таком случае для побежденных некое исходит утешение из сознания силы противника. Если же придется это испытать, когда и противник плохенькой, и род ратоборства не труден; тогда гораздо большейшей боли повержения долу будет причинен унижительный стыд, и гораздо тяжелейший урона срам.

74. Окончательной победы и совершенного торжества над этим врагом можно ожидать только тогда, когда совесть монаха не будет запятнана обладанием даже малейшей монеты. Для того же, кто увлекшись хотя бы то маленьким денежным подарком, однажды воспринял в сердце свое корень любостяжательной похоти, невозможно тотчас же не загореться огнем желания большего. И воин Христов до тех пор будет победителем, будет находиться вне всякой опасности, недоступным нападению сей страсти, пока сей непотребнейший дух не посеет в сердце его начатков своей похоти. Почему, как во всех родах страстей главным образом надобно блюсти главу змия, так особенно в отношении к этой надлежит тщательнейшие дер-

жать предосторожности, чтоб как-нибудь не проникла внутрь глава ея. Ибо если она будет впущена внутрь, то своею же материею питаюсь и приходя в силу, сама по себе разожжет чрезмернейший пожар. И потому не только обладания деньгами надобно опасаться, но и самое желание их совсем надлежит исторгнуть из души; и не столько избегать дел сребролюбия, сколько отсекаль с корнем страсть его: ибо никакой пользы не принесет нам неимение денег, если в нас будет желание иметь их.

75. Возможно и не имеющему денег не быть свободну от болезни сребролюбия; и никакой пользы не принесет действие обнажения себя от всего тому, кто не смог отсечь страсти любостяжания, усладившись делом обнищания, а не самую добродетелию нищеты, и не без туги сердца помирясь с тяжелою необходимостью (так поступить). Ибо как иных телом не оскверненных Евангельское слово провозглашает нечистыми сердцем (Мф. 5, 28), так и нисколько не обремененным тяжестию денег возможно быть осужденными вместе со сребролюбцами, по сердцу и уму. Им недоставало только случая к стяжанию, а не воли, которая в очах Божиих всегда имеет более веса, чем необходимость. Почему нам надобно всячески заботиться, чтобы плоды трудов наших не пропали даром: ибо достойно сожаления – последствия обнажения себя от всего и обнищания терпеть, а плоды сего терять по причине бесплодного грешного пожелания воли.

76. Хочешь ли знать, какие пагубные плоды приносит и какие разветвления других страстей пускает из себя эта страсть на пагубу того, кто ее воспримет, – если не будет тщательно истреблена? Посмотри на Иуду, причисленного к сонму апостолов! Как она его, – не похотевшего стереть смертоносную главу сего змия, – сгубила ядом своим, – опутав сетями вожделевния своего, в какую стремнистую пропасть преступления низвергла, когда научила за тридцать сребренников продать Икупителя мира и Виновника человеческого спасения? Он никак не был бы доведен до такого безбожного дела предательства, если б не был заражен болестью сребролюбия, и не сделался бы святотатственным виновником убиения Господа, если б прежде не привык окрадывать вверенный ему ковчежец.

77. Вот разительнейший пример тиранства этой страсти, которая, как мы сказали, однажды плененной ею душе не попускает уже соблюдать никакого правила честности, и никаким увлечением прибýtка не дает насытиться. Ибо конец неистовству ее полагается не разбогатением, а обнажением себя от всего. Вот и этот самый Иуда, получив в свое распоряжение назначенные для раздаяния бедным влагалища, с тем чтобы насытившись обилием этих денег, по крайней мере умерил свою страсть, таким напротив непомерным разгорелся возбуждением страсти, что не только окрадывал тайно влагалища, но и Самого Господа продать восхотел. Ибо неистовство сей страсти не насыщается никакою громадностью богатства.

78. Посему-то св. апостол Петр, зная, что имеющему что-либо по страсти невозможно уже удержать в должных пределах любостяжание, и что конец сей страсти полагает не сумма малая или большая, а совершенное от всего обнажение себя, смертию наказал Анания и Сапфиру за то, что они нечто удержали для себя из своего имения. И погибли они за ложь по любостяжанию, как Иуда сам себя погубил по вине предания Господа. Какое между ними сходство в преступлении и в наказании! Там сребролюбие привело к предательству, а здесь ко лжи. Там истина предается, а здесь совершается грех лжи. Хотя действие греха там и здесь по-видимому не сходно, но они оба сходятся в одинаковой цели. Тот, чтоб избавиться от бедности, восхотствовал снова поиметь то, что было отверг; а эти, чтоб не сделаться бедными, покусились удержать для себя нечто из имения своего, которое должны были или апостолам все верно принести, или все раздать братиям. От того-то в том и другом случае и последовало одинаковое наказание смертию, что тот и другой грех произрос из одинакового корня сребролюбия. – Если теперь (сделаем дальнейшее наведение) на тех, которые не чужих стяжаний восхотели, но свои собственные покусились приберечь и не имели вожделения стяжевать, а только желание уберечь, исшел такой строгий приговор; то что сказать о тех, которые вожделевают собирать

деньги, которых никогда не имели, и выказывая пред людьми нищету, пред Богом оказываются богатыми по страсти любостяжания.

79. Любостяжателей должно признавать прокаженными духом и душою, подобно Гиезию, который, вожделев тленных денег мира сего, поражен был заразительною нечистою проказою. Ею-то он и оставил нам очевидное указание на то, что душа, оскверненная преступною страстию к любостяжанию, поражаема бывает духовною заразою страстей, и имеется пред очами Господа нечистою с вечным проклятием.

80. Итак, если, стремясь к совершенству, оставил ты все и последовал Христу, вняв слову Его: *иди, продаждь имение твое и даждь нищим: и имети имати сокровище на небеси: и гряди вслед Мене* (Мф. 19, 21), то зачем, возложив уже руку на рало, озираешься вспять, чтоб словом Того же Господа провозглашену быть не гожим для Царствия Небесного (Лк. 9, 62)? Поставленный на кровле, – высоте Евангельского совершенства, – для чего сходишь опять в дом свой, чтоб взять оттуда что-либо из того, что прежде того так охотно презрено тобою (Лк. 17, 31)? Поставленный на поле делания добродетелей, зачем опять усиливаешься облечь себя бременем мирского стяжания, от которого ты обнажил себя при отречении от мира? – Если же ты тогда, бедностию предупрежденный, не имел что оставить; то тем менее следует тебе теперь приобретать то, чем прежде не владел. Это, по особенному Божию благоволению к тебе, ты так приготовлен был (бедностию к отречению от мира), – для того, чтоб не воспящаемый никакими путами стяжаний, тем поспешнее ты притек к Нему. Впрочем, да не унижается никто из бедных за это (что не имеет что оставить); ибо никого нет, кто бы не имел, что оставить. От всех стяжаний мира отрекся тот, кто с корнем отсек самую страсть к приобретению их.

81. Эту добродетель нестяжательности сохранить целою и неповрежденною мы иначе не можем, как живя в монастыре, если, по Апостолу, *имея пищу и одежду, сими довольны будем* (1 Тим. 6, 8).

82. Итак, держа в памяти осуждение Анании и Сапфиры, убоимся удерживать что-либо из того, что совершенно оставить дали обет, намереваясь отрещись от мира. Страшась также примера Гиезия, который за грех сребролюбия наказан неисцельною проказою, поопасемся стяжевать то, чем прежде не владели. Равно ужасаясь как злодеяния Иудина, так и исхода его, будем всеми силами избегать собирания снова денег, от которых отказались однажды навсегда. – Сверх же всего этого, помышляя о смертности нашего естества и неизвестности часа смертного, поопасемся, чтобы день Господень, наступив, как тать в ночи, не застал нашей совести запятнанною стяжанием хотя бы и одного овола; ибо он и один, упразднив все плоды нашего мироотречения, сделает, что сказанное в Евангелии богачу гласом Господа будет обращено и к нам: *безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси, кому будут* (Лк. 12, 20)?

И нимало не думая о завтрашнем дне, никак не попустим себе уклониться от устава общежития. Чего без сомнения мы никак не сможем исполнить, не сможем также мирно прожить под правилами монастырского устава, если в нас не будет прежде на прочном основании утверждена добродетель терпения, источником коего служит не другое что, как смирение.

г. Борьба с духом гнева (Кн. 8-я)

83. В четвертой брани предлежит нам с корнем исторгнуть из глубины нашей души смертоносный яд гнева. Ибо доколе он гнездится в сердцах наших и ослепляет око ума нашего пагубным мраком, дотоле мы не можем ни стяжать правильного различения добра и зла и остроты досточестного созерцания, ни обладать зрелостию совета, ни быть причастниками жизни, ни держаться неуклонно правды, ни даже воспринимать истинный духовный свет; ибо сказано: *смятесе от ярости око мое* (Пс. 6, 8); не можем соделаться причастниками мудрости, хотя бы мнением всех были провозглашаемы премудрыми, так как *ярость почиает в недре*

безумных (Еккл. 7, 10); не можем достигнуть и жизни долговечной, хотя бы по определению людей почитаемы были разумными, потому что *гнев губит и разумных* (Притч. 15, 1); не сможем всегда добре держать весы правды по указанию сердца, ибо *гнев мужа правды Божией не соделовает* (Иак. 1, 20); ни коим образом не можем обладать и важною почтенностью, так обычно даже и между людьми века сего, хотя бы по преимуществам рождения почитаемы были знатными и почтенными, так как *муж ярый не благообразен* (Притч. 11, 25), никак не можем обладать и зрелостью совета, хотя бы казались стяжавшими обширные познания, ибо *острояростный без совета все творит* (Притч. 14, 17); не можем быть покойны от тревог и смущений, и свободны от грехов, хотя бы от других вовсе не было нам причиняемо беспокойств, так как *муж гневливый* (сам после) *воздвигает свар: муж же ярый открывает* (обнаруживает не стыдясь) *грехи* (Притч. 29, 22).

84. Некоторые, усиливаясь извинить эту пагубную болезнь души, покушаются умалить ее (непотребность) при помощи непотребнейшего толкования Писаний, говоря: не беда, если гневаемся на братьев погрешающих, так как и Сам Бог воспаляется гневом и яростию против тех, которые или не хотят знать Его, или зная не чтут как должно, – как например: *и разгневаясь яростию Господь на люди Своя* (Пс. 105, 40), или как в другом месте, где пророк молится, говоря: *Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажешь мене* (Пс. 6, 2). – И не понимают они, что вместе с тем, как чрез это дают людям свободу действовать по сей страсти на пагубу себе, еще и Богу беспредельному, Источнику всякой чистоты, нечестиво приписывают нечистую плотскую страсть.

85. Если эти и подобные места Писания понимать буквально, в грубом чувственном значении; то выйдет, что Бог спит и пробуждается, сидит и ходит, обращается к кому и отвращается от него, приближается и удаляется, – и члены телесные имеет – главу, очи, руки, ноги и под. – Как этого всего без крайнего святотатства нельзя буквально разуместь о Том, Кто, по свидетельству Писания же, невидим, неописуем, вездесущ: так без богохульства нельзя приписывать Ему и возмущение гневом и яростию. Под названием телесных членов и движений обозначаются Божественные свойства и промыслительные о нас действия, которые мы удобнее можем понять под сими уподобительными названиями: очи означают Божие всевидение и всеведение; руки и ноги – Его творчество и промышленение, мышцы – силу и вседержительство и проч. Так и о гневе или ярости Божией когда читаем, должны разуместь то не человекообразно, но достойно Бога, чуждого всякого возмущения, – именно под этим понимать, что Он есть Судия и праведный воздаятель за все, не право делаемое в мире сем, и устрояясь при чтении такого рода изречений праведного наказания Божия, всячески остерегаться делать что-либо противное воле Его.

86. Да будет убо монах, стремящийся к совершенству и подвигом духовным законно подвизаться желающий, чужд всякого движения страсти гнева и ярости, слыша, что заповедует ему избранный сосуд: *всякая горесть, и гнев, и ярость, и клещ, и хула, да возмется от вас со всякою злобою* (Еф. 4, 31), – который, говоря: *всякий гнев да возмется от вас*, не изъял из-под такого приговора никакого движения гнева, будто необходимого или полезного. Почему монах и поспешая, если необходимо, врачевать согрешающего брата, пусть делает это так, чтоб, когда заботится подать лекарство страждущему очень легкою, может быть, лихорадкою, разгневавшись, не ввергнуть себя самого в худшую того болезнь ослепления. Ибо тому, кто хочет залечить рану другого, надо самому быть здорову и свободну от всякой болезни, чтоб не сказано было ему оное Евангельское слово: *врачу, исцелися сам* (Лк. 4, 23), – также: *что видиши сучец, иже во оце брата твоего, бервна же, еже есть во оце твоём, не чужиши? Или какоречеши брату твоему: остави, да изму сучец из очесе твоего, и се бервно во оце твоём* (Мф. 7, 3, 4)!

87. От какой бы причины ни возгоралось движение гнева, оно ослепляет очи сердца и, налагая покров на остроту умного зрения, не дает видеть Солнца правды. Все равно, золотой ли лист, или свинцовый, или из другого какого металла наложен будет на глаза, ценность металлов

не делает разности в ослеплении. – Бывает, впрочем, от гнева и услуга нам очень пригодная, когда рассерживаемся, досадуя на сладострастные движения нашего сердца, и негодуем, что в тайниках нашей груди поднимается то, что делать или о чем даже говорить стыдимся пред людьми, трепеща от страха при мысли о присутствии Ангелов и Самого Бога, везде и все проникающего, и о всевидящем Оке Божиим, от Которого никак не могут укрыться никакие тайны нашей совести. Или когда против этого самого гнева рассерживаемся, зачем он вкрался, возбуждая нас против брата, и с гневом извергаем пагубные его внушения, не давая ему назло нам укрываться в тайниках груди нашей. Так гневаться научает нас и пророк, который столь решительно отривал от своих чувств эту страсть, что и врагам своим явным, даже от Бога преданным в руки его, не хотел воздавать воздаяние. Так, когда Семей, бросая камни в царя Давида, в слух ему злословил его пред всеми, и Авесса, сын Саруин, в отмщение за такое оскорбление царя, хотел отнять его голову, блаженный Давид, подвигшись благочестивым негодованием против такого его внушения, сохранил непоколебимую свою кротость и показал образец смирения и твердого терпения, говоря: *что мне и вам, сынове Саруины? Оставьте его, и тако да проклинает, яко Господь рече ему проклинати Давида: и кто речет: почто сотворил еси тако? Се сын мой, изшедший из чрева моего, ищет души моея, а кольми паче сын Иеминиев; оставите его проклинати мя, яко рече ему Господь. Негли призрит Господь на смирение мое, и возвратит ми благая, вместо клятвы его в днешний день* (2 Цар. 16, 10–12).

88. Таким образом нам разрешается гневаться, но спасительно, т. е. на себя самих и на приводящие худые помыслы, – *гневаться* на них, и *не согрешать*, т. е. не приводить их в дело на пагубу себе. Этот же самый смысл яснее выражает и следующий стишок: *яже глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших умилитеся* (Пс. 4, 5), т. е. что помышляете вы в сердцах своих по причине вторжения внезапных удобосмутительных внушений, то, после того как мирным рассуждением успеете утишить всякий шум и бурность гнева и как бы на покойное возлечь ложе, исправляйте и заглаждайте спасительным сокрушением. И блаженный Павел, воспользовавшись указанием этого стишка, после того как сказал: *гневайтесь и не согрешайте*, прибавил: *солнце да не зайдет во гнев ваш: ниже дадите место диаволу* (Еф. 4, 26, 27). Если пагубно допускать, чтоб Солнце Правды заходило во гнев наш, и если мы, разгневавшись, тотчас даем место диаволу в сердце своем, то как пред этим повелел гневаться, говоря: *гневайтесь и не согрешайте?* Не явно ли он выражает сим следующее: гневайтесь на свои страсти и на самый гнев ваш, чтоб иначе, при вашем потворстве, не начало в омраченных гневом умах ваших заходить Солнце Правды – Христос, и с отхождением Его не дали вы места в сердцах ваших диаволу.

89. В иносказательном смысле под солнцем можно понимать разум, который справедливо называется солнцем, ради того что освещает все помышления и стремления сердца нашего, – и под запрещением гнева видеть заповедь не погашать сего светила страстию гнева; чтоб, с захождением его, не занял всего сердца нашего мрак бурного смятения с производителем его диаволом, и мы, объятые тьмою гнева, не остались, как бы в темную ночь, в неведении, что нам делать. В таком смысле понимать это место Апостола предано нам в наставлениях старцев, которые не позволяют нам допускать даже на один момент вкрадываться в сердце наше гневу, всевозможно блюдая попасть под кару, изреченную на это в Евангелии: *всяк гневаяйся на брата своего, повинен есть суду* (Мф. 5, 22). – Притом, если б позволительно было продолжать гневаться до захождения солнца, страсть гнева, пользуясь таким разрешением, всегда спешила бы удовлетворять своему мщению, будто законно, прежде чем солнце познает запад свой.

90. Что же сказать о тех, коих неумолимости не полагает предела даже само заходящее солнце; но которые многие дни держат злобу на тех, против коих рассердились? Пусть они на словах иногда говорят что не гnevаются, но дела нередко явно обличают в них сильное негодование, когда, например, они не обращаются к ним с приличною речью и не разговаривают с обычною ласковостию. Им думается, что они при этом не грешат, потому что не ищут отмще-

ния своему раздражению. Но они только не смеют или не могут обнаружить его, в сердце же кипят им, и молча переживают его, и чрез то обращают яд гнева в свою пагубу; они не изгоняют тотчас силою души горечь досады, но переваривают ее в течение многих дней и кое-как со временем немного укрощают.

91. Как будто не удовлетворяет уже своему мщению и досаде тот, кто из внушаемого гневом исполняет только что может! Так и делают те, которые сдерживают гневные движения не по желанию миролюбия, а по немощи мщения, срывая его однако ж чем могут. Ибо не имея возможности причинить тем, на коих рассердились, ничего более, как чтоб не говорить с ними с обычною ласковостию, этим и срываю свое на них сердце. Как будто довольно умерять гнев в обнаружении его делом, а исторгать его из тайников сердца нет нужды, – чтоб, омрачившись его тьмою, не лишиться здоровой рассудительности и света ведения и не перестать быть храмом Духа Святого, при обитании в нас духа гнева. Ибо затаенный в сердце гнев, хотя людей предстоящих не оскорбляет, но светлейшее сияние Духа Святого выживает все равно как и гнев обнаруженный.

92. И как можно думать, что Бог послабляет нам хоть одну минуту держать гнев, когда Он не позволяет приносить жертвы духовных молитв наших, если сознаем не то, что мы гневаемся на другого, а что другой имеет нечто на нас, говоря: *еще принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем, и шед прежде смирися с братом твоим и тогда пришед принеси дар твой* (Мф. 5, 23, 24)? – Как же думать, что нам дозволяется держать скорбь на брата, не говорю, многие дни, но хоть бы до заката солнца, если, даже тогда как он имеет нечто на нас, не дозволяется нам приносить молитвы свои Богу, – нам, которым от Апостола заповедуется: *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17), и: *хощу, да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления* (1 Тим. 2, 8)? – Итак, если будем держать такой яд в сердцах своих, то нам остается – или никогда не молиться и таким образом быть виновными пред Апостольскою и Евангельскою заповедию, коею повелевается нам непрестанно и на всяком месте молиться, – или, – если как-нибудь обморочивая себя, дерзнем изливать молитву свою, несмотря на запрещение ее, – знать, что в таком случае не молитву Господу приносим, а изъявляем гордую непокорность, в духе бунта против Него.

93. Но что нам долее останавливаться на Евангельских и Апостольских заповедях, когда и Ветхий Закон, который, кажется, несколько послабляет немощам нашим, тоже предостерегает от него, говоря: *да не возненавидиши брата твоего во уме твоём* (Лев. 19, 17), – и опять: *путие злопомнящих в смерть* (Притч. 12, 28), – и еще: *да не отмщает рука твоя, и да не враждуеши на сыны людей твоих* (Лев. 19, 18)? – Видишь, что и там неблагорасположенность к братьям отсекается не в деле только, но и в тайных помышлениях, когда повелевается с корнем извергать из сердца ненависть и за обиду не только не воздавать, но даже и не помнить о ней.

94. Иногда побежденные гордостью или нетерпением, когда чувствуем особое внутреннее понуждение исправить свой нестройный и беспорядочный нрав, жалуемся в себе, что не достаёт нам пустыни, в том, подразумевается, чаянии, что там, не будучи никем тревожимы, тотчас приобрели бы мы добродетель терпения, извиняя очевидно тем свое нерадение (об укрощении порывов гнева) и причину возбуждения их не своему приписывая нетерпению, а слагая на братьев. Но если мы будем таким образом на других слагать причины нашей в сем неисправности, то никогда не возможем прийти в должную меру терпения и совершенства. Дело исправления и умирения сердца нашего не помещай в руках произволения другого, нашей власти нимало не подлежащего, но соблюдай его в благонастроении нашего произволения. Чтобы нам не приходить в гнев, это должно зависеть не от совершенства другого, но от нашей добродетели, стяжеваемой не чужим терпением, а собственным великодушием.

95. К тому же искать пустыни следует совершенным и очищенным от всякой страсти, или по выварении начисто всех страстей в обществе братьев, и вступать в нее не по малодуш-

ному бегству, а по желанию достигнуть высоты Божественного созерцания, которая и совершенными не может быть иначе приобретена, как в пустыне. Ибо какие страсти перенесем мы в пустыню не уврачеванными, те будут чувствоваться скрытыми в нас, а не истребленными. И пустынь как для очищенных сердцем приберегает чистейшее созерцание и в приискреннейшем видении открывает ведение духовных таин, так обыкновенно и страсти тех, кои не очистились от них, не только сохраняет, но еще усиливает. В таком случае иной дотоле кажется себе терпеливым и смиренным, пока ни с каким человеком не видается и не входит в сношение; но тотчас возвращается к прежнему своему нраву, как только какой-либо случай вызовет его к движению: тогда тотчас возникают из него страсти, которые скрывались и, как необузданные кони, откормленные в долгом бездействии, с большим стремлением и неистовством вырываются из своих затворов на погибель своего всадника. Ибо страсти, не будучи наперед очищены, более неистовыми делаются в нас, когда пресекаются случаи обнаружения и обуздания их среди людей. И самую тень терпения, которым, как воображалось, мы, живя в смешении с братьями, по-видимому обладали и которое проявляли по крайней мере из уважения к ним и стыда показаться пред всеми малодушными, теряем мы в беззаботной пустыне беспечности.

96. Подобно это тому, как все роды ядовитых змей или зверей, пока укрываются в пустыне и в своих норах и логовищах, не вредят, — и однако ж не провозглашаются из-за того безвредными, что никому в таких случаях не вредят: ибо это бывает тогда не по доброкачественности их, а потому что такими быть необходимо вынуждает их пустыня; как же скоро улучат они возможность вредить, тотчас износят и обнаруживают скрывающиеся в них яд и зверство. — Так-то и ищущим совершенства не довольно не гневаться на людей (когда нет с ними сношений и столкновений. Гнев при этом жив, только притаился, и готов тотчас обрушиться на что ни попало). Припоминаю, как, живя в пустыне, рассерживался я иногда на писчую трость, если не нравилась толстота или тонкость ее, — иногда на ножичек, если, когда режешь им, он, затупившись, не скоро резал, — иногда на камень, если не скоро вылетала из него искра огня, когда спешишь к чтению; и движение негодования при этом вторгалось иногда такое, что невольно вырывалось из уст проклятие на бездушную вещь, или уж непременно на диавола: чем и испарялось смущение, — и душа успокаивалась. Таким образом в деле совершенства мало принесет пользы отсутствие людей, на которых возбуждался бы гнев, когда, если наперед не будет приобретено терпение, страсть гнева может упражнять свои силы и на вещах немых и на безделицах; ибо оставаясь в сердце нашем, она не дает нам ни достигнуть мирного устройства, ни освободиться от прочих страстей.

97. Почему, если желаем достигнуть того высшего Божественного блага, о коем говорится: *блаженни чистиши сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8); то не только из действий наших должны отторгнуть сию страсть, но и с корнем исторгнуть ее из глубин души. Ибо не слишком-то много будет пользы подавлять неистовство гнева в слове и не обнаруживать его в действии, если Бог, от Которого не укрываются тайны сердечные, будет видеть его в сокровенностях сердца. Евангельское слово и заповедует иссекать паче корни страстей, чем плоды их, которые по исторжении корней конечно не будут уже более распложаться, — а душа получит таким образом возможность постоянно пребывать во всяком терпении и святости, когда гнев не только будет устранен с поверхности нашей деятельности и наших поступков, но и исторгнут из сокровенностей помышлений. И потому надо убивать гнев и ненависть, чтоб не впасть в грех человекоубийства, которое без них не может быть допущено. *Ибо всяк гневаяйся на брата своего всуе, повинен есть суду* (Мф. 5, 22); и — *всяк ненавидяй брата своего человекоубийца есть* (1 Ин. 3, 15). Поелику он в сердце желает погибнуть тому, на кого сердает; то, хотя у людей не признается он пролившим кровь собственною рукою или мечом, по страсти же гнева провозглашается убийцею от Господа, Который не за производство только действия, но и за намерение воли воздаст каждому или наградою, или наказанием, как Сам Он говорит чрез пророка: *Аз дела их и помышления вем, и гряди собрати вся народы...* (Ис. 66, 18). И

Апостол: *между собою помыслом осуждающим или отвечающим в день, егда судит Бог тайная человеком* (Рим. 2, 15, 16).

98. Итак подвижнику Христову, законно подвижающемуся, надлежит с корнем вырвать из себя страсть гнева. Для совершенного же уврачевания этой болезни потребно такое лечение: прежде всего уверовать, что гневаться не подобает ни под каким видом, ни по праведным ни по неправедным причинам, – зная, что коль скоро источник наш свет, свет нашего сердца будет помрачен тьмою его, то мы тотчас потеряем и свет различения вещей, и твердость благо-разумия, и благопристойность, и мерило правды; потом держать убеждение, что если дух гнева замедлит в нас, то вследствие того неизбежно помутится чистота духа нашего, и он никак уже не может быть храмом Духа Святого; наконец помышлять и о том, что нам, пока пребываем в гневѣ, никак нельзя будет молиться и изливать пред Богом прошения свои. Паче же всего, имея пред очами неизвестность предела человеческой жизни, будем постоянно думать, что мы можем преселиться из тела каждый день, и что нам нимало не помогут там ни соблюдение чистоты целомудрия, ни отречение от всех имуществ, ни презрение богатства, ни труды постов и бдений, когда за один гнев и ненависть Судия вселенной угрожает вечными муками.

д. Борьба с духом печали – (Кн. 9-я)

99. В пятой брани предлежит нам отбивать остны всепожирающей печали, – которая, если как-нибудь получит возможность обладать нашим сердцем, то пресекает видение Божественного созерцания, и душу всю низвергши с высот святого благонастроения, расслабляет вконец и подавляет: ни молитв не дает ей совершать с обычною сердечною живостию, ни чтению Священных книг, – сему духовному орудию и врачевству, – не допускает прилежать, ни мирною и тихою с братьями быть не оставляет, – ко всем также обязательным делам послушания делает нетерпеливою и ропотливою, и отняв всякое здоровое рассуждение и возмутив сердце, делает ее как бы обезумевшею и опьянелою, и сокрушает и подавляет пагубным отчаянием.

100. Почему, если желаем законно трудиться в подвигах духовной брани, то с не меньшим вниманием должны врачевать и эту болезнь. Ибо *якоже молие в ризе, и червие в древе: тако печаль мужу вредит сердце* (Притч. 25, 21), – как ясно и определенно выразил силу этой зловредной и пагубнейшей страсти Божественный Дух. Как одежда, изъеденная молью, не имеет уже никакой цены и не гожа более на честное употребление, – и как дерево, червями источенное, уже не на постройку или украшение какого-нибудь здания, хотя бы и посредственного, заслуживает быть отложенным, а на сожжение огнем: так и душа, пожираемая угрызениями всесокрушительнейшей печали, не гожа уже бывает ни для того первосвященнического облачения, которое миро Духа Святого, с Неба сходящее прежде на браду Аарона, принимает потом на ометы свои, как это изображается в пророчестве святого Давида в следующих словах: *яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его* (132, 2), – ни для построения и украшения того духовного храма, которого основания положил Павел, премудрый архитектор, говоря: *вы есте храм Божий и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3, 16), и на который какие идут деревья, то описывает Невеста в Песни Песней, говоря: *преклады дому нашего кедровыя, дски наши кипарисныя* (Песн. 1, 16). И вот такие-то роды дерев избираются для храма Божия, и благовонные и негниющие, которые не подлежали бы ни порче от ветхости, ни течению червей.

101. Иногда болезнь эта имеет обычай порождаться от предшествовавшей страсти, или гнева, или похотения, или любостяжания, когда кто испытывает потерю предвзятой в уме надежды удовлетворения их делами или вещами по роду их; иногда же без всяких наличных причин, могших ввергнуть нас в эту пропасть, по воздействию лукавого врага, внезапно схватывает нас такая прискорбность, что мы не бываем в состоянии принять с обычною приветли-

востию посещение даже самых дорогих и нужных нам лиц, и что бы ни было ими сказано в подходящем разговоре, почитается тогда нами неуместным и лишним; и не дается им никакого приятного ответа по причине преисполнения всех изгибов сердца нашего желчною горечию.

102. Этим наияснейше доказывается, что не всегда по вине других возбуждаются в нас остны прискорбностей, но паче по собственной нашей; потому что мы сами в себе носим причины всех воскорбений, именно в семенах страстей, которые, как только оросит душу нашу дождь искушений, тотчас прорываются в ростках и плодах своих. Никто никогда не понуждается ко греху, хотя бы дурной пример других возбуждал его к тому, если он не имеет сокрытой в сердце своей материи того греха. И никак нельзя верить, чтобы, например, кто тогда только внезапно воспринял страсть срамного похотения (не зная ее прежде), когда, взглянув на красивую женщину, поражен был ее красотой; но надо паче полагать, что если он при этом вожелел ее, то это потому, что воззрение на нее вывело наружу скрывающуюся внутри болезнь. Почему нам надо на то преимущественно обратить все попечение, чтоб свои очистить страсти и свои исправить чувства и расположения.

103. Есть еще и иной род печали – непотребнейший, когда она в душу согрешившую влагает не намерение исправить жизнь и очиститься от страстей, а пагубнейшее отчаяние. Она-то ни Каину не дала покаяться после братоубийства, ни Иуде не попустила после предательства взыскать средств удовлетворения, а увлекла его чрез вынужденное ею отчаяние к удушению.

104. Полезною для нас должны мы почитать печаль только в таком случае, когда мы восприедем ее, быв подвигнуты или раскаянием во грехах, или горячим желанием совершенства, или созерцанием будущего блаженства. О ней и блаженный Павел говорит: *печаль, яже по Бозе, покаяние нераскаянно во спасение соделовае: а сего мира печаль, смерть соделовае* (2 Кор. 7, 10).

105. Но та печаль, которая соделовае покаяние ко спасению несомненно верному, благопокорлива, приветлива, смиренна, кротка, приятна и терпелива; так как она, исходя из любви к Богу, хотя по желанию совершенства неутомимо простирается к телесному самоозлоблению и сокрушению духа, но в то же время некако бывает обрадована и оживляема надеждою преуспевания, и потому удерживает всю приятность приветливости и благодушия, имея в себе все плоды Духа Святого, которые исчисляет тот же Апостол: *плод духовный есть: любви, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22). А эта, – мира сего печаль, – крайне ропотливая, нетерпеливая, жесткая, исполненная отталкивающей строптивости, бесплодного горевания и пагубного отчаяния; того, кого обымет, расстроивает и отвлекает от всякого занятия и спасительного о себе болезнования, и не только пресекает действие молитвы, но и опустошает все сказанные выше плоды духовные, которые обыкновенно доставляет та *печаль, яже по Бозе*.

106. Почему кроме той печали, которая восприимется или по спасительному покаянию, или по ревности о совершенстве, или по возжеланию будущих благ, всякая другая, как мирская и смерть приносящая, должна быть отреваема и совсем извергаема наравне с духом блуда, сребролюбия и гнева.

107. Эту пагубнейшую страсть можем мы изгонять из себя, если, занимая непрестанно душу свою духовным поучением, будем оживать и восставлять ее надеждою и созерцанием будущего блаженства. Этим способом можем мы преодолеть все роды печалей, и те, которые исходят от предшествовавшего гнева, и те, которые приходят от потери прибыли и понесения убытка, и те, которые рождаются от нанесенной нам обиды, и те, которые происходят от неразумного расстройства душевного, и те, которые ввергают нас в смертное отчаяние: ибо при сем всегда обрадованы бывая созерцанием вечных будущих благ и пребывая неподвижно в таком настроении, мы не будем ни падать духом в обстоятельствах несчастных, ни возноситься в счастливых, смотря на те и другие как на ничтожные и скоро преходящие.

(К утолению духа печали читай еще 7-е отделение выписок из св. Кассиана, – о борьбе с бедствиями и скорбями).

е. Борьба с духом уныния (Кн. 10-я)

108. Шестая борьба предложит нам со страстию, которую греки называют ἀκῆδία, и которую мы можем назвать унынием, скукою или тоскою сердечною. Она сродна печали, испытывается наипаче странствующими по пустыням иноками, и есть непрязненный враг пребывающих в уединении, и всякого монаха беспокоит, особенно около шестого часа, (по нашему 12 часа в полдень), как лихорадка какая, в определенные часы нападающая на больную душу со своими всерасстраивающими действиями. Некоторые старцы (Евагрий в I томе, стр. 631) называют ее бесом полуденным, о котором поминается в 90 Псалме.

109. Когда уныние нападает на бедную душу инока, то порождает ужасание от места, отвращение к келлии и презрение к братьям, с ним живущим или на некотором от него расстоянии, как к нерадивым и совсем не духовным, самого же его совсем разленивает и отбивает от всякого дела, каким обычно ни занимается он в своем обителище. И в келлии сидеть отбивает оно у него охоту, и к чтению приступить не допускает, и заставляет вздыхать и жаловаться, что столько времени проживши здесь, нимало не преуспел и никакого не стяжал плода духовного, и болезновать внушает, что остается в этом месте попусту и, когда мог бы управлять другими и многим приносить пользу, никого здесь не воспитал и никого своим наставлением и учением не породил духовно. Затем оно расхваливает ему отдаленные монастыри и места те описывает как более полезные к преуспеванию духовному и более могущие способствовать к спасению, и общение там с братьями рисует преприятным и исполненным духовного назидания; напротив, что тут у него, то представляет несносным, напоминая, что от братий, здесь пребывающих, никакого нет назидания, а все нужное для содержания тела добывается только с безмерным трудом. Наконец внушает оно уединеннику, что, пребывая в этом месте, не может он спастись, если, оставя келлию, в которой ему, если еще долее будет медлить в ней, придется погибнуть, как можно скорее не переселится отсюда в другое место. После сего часу в пятом и шестом оно в такое изнеможение приводит тело его и такой возбуждает голод, что он чувствует себя как бы долгим путем и самым тяжелым трудом утомленным и изможденным, или как бы перенесшим двухдневный и трехдневный пост без подкрепления себя пищею. И вот озирается он в беспокойстве туда и сюда, вздыхает, что нейдет к нему никто из братий, почасту выходит из келлии и входит в нее, и на солнце посматривает, будто оно не так скоро спешит к закату. В таком неразумном смятении ума, как бы мраком покрывшись, становится он не способным ни к какому духовному деланию и начинает думать, что против такой напасти не может найтись никакое другое средство, кроме посещения какого-либо брата или утешения себя сном. Тут начинает этот разорительный дух подносить боримому им, что надобно сделать необходимые поздравления братьям или посетить больных, вблизи или вдали находящихся, внушает также, как долг какой, что надо бы найти здесь таких-то и таких-то родственников или родственниц и почаще ходить к ним с визитами, – что такую-то благочестивую и Богу посвятившую себя женщину, лишенную однако ж всякого пособия от родных, было бы великим делом благочестия почаще посещать и доставлять ей все, в чем она имеет нужду, так как свои родные небрегут о ней, – и что больше в такого рода делах благочестия надо трудиться, чем бесплодно и без всякого преуспеяния сидеть в келье.

110. Так волнуется бедная душа, запнутая такими вражескими кознями, пока утомленный духом уныния инок или в постель попробует броситься, или, оставя келейный затвор, попытает поискать избавления от такой напасти в посещении какого-либо брата. Но это последнее, чем он пользуется в настоящее время как врачевством, спустя немного обратится в руках врага в средство еще к большему его расстройению. Ибо враг чаще и ожесточеннее будет напа-

дать на того, кто, как узнал он на деле, тотчас обращает к нему тыл, как только завяжется борьба, и спасения себе чает не от победы и не от противоборства, но от бегства; пока он мало-помалу, отбившись от келлии, начнет забывать о главном деле своего звания, состоящем в стремлении к Божественной, всепревосходящей чистоте, которая нигде не может быть достигнута, как только в безмолвном всегда пребывании в келлии и непрестанном Божественном поучении. Так воин Христов наконец убегает из своего воинства, впутывается в житейские дела и становится уже не угодным Воеводе (2 Тим. 2, 4), под Которым служить обещался.

111. Блаженный Давид весьма прекрасно выразил все пагубные последствия от этой болезни в следующем стихе: *воздрема душа моя от уныния* (Пс. 118, 28). И подлинно, не тело, а душа дремлет в это время. Ибо душа, уязвленная стрелою этой разорительной страсти, действительно засыпает для всякого стремления к добродетели и наблюдения за своими духовными чувствами.

112. Итак истинный воин Христов, желающий законно подвизаться в борьбе за совершенство, и эту также болезнь должен стараться изгонять из тайников души своей, и против этого непотребнейшего духа уныния смело вооружаться противоборством, – чтоб ни от уязвления стрелою сна не пасть, ни беглецом не выступить из затвора своего уединища, хотя бы то под благовидным предлогом благочестия.

113. Ибо кого начнет он преодолевать с какой-либо стороны, того или оставит пребывать в келье без всякого успеха, как ленивого и беспечного, – или выгнав оттуда, сделает прочее праздношатающимся и ленивым на всякое дело, заставит его постоянно обходить келлии братий и монастыри и ни о чем другом не промышлять, как только, где бы и под каким бы предлогом найти себе случай пообедать в следующий раз. Ибо ум празднолюбца ни о чем другом не помышляет, как о пище и чреве, пока, встретив где-либо содружество в каком-либо мужчине или женщине, цепенеющих в такой же холодности, вяжется в их дела и нужды. Опутавшись же мало-помалу такими пагубными для души его занятиями, как бы в змеиных кольцах стиснутый, никогда уже потом не сможет он развязаться с ними, чтоб обратиться к брошенным делам прежнего звания.

114. Итак главное, что производит в нас дух уныния, есть то, что он разленивает, от дел отбивает и праздности научает. Почему и противодействие ему главное будет: – не уступай, сиди за делом. В сем отношении мы можем принять как врачебательный рецепт от уныния то, что св. Павел писал к Солунянам о труде: – *молю вы, братие... любезно прилежати, еже безмолвствовати, и деяти своя и делати своими руками* (1 Фес. 4, 10, 11). – Говорит: *любезно прилежати, еже безмолвствовати*, – т. е. пребывайте безмолвно в своих келлиях, чтоб от разных молв, которых нельзя миновать праздноходящему туда и сюда, не потерять своего покоя внутреннего и не начать потом причинять такое же беспокойство и другим; *делати своя*, – т. е. увлекаясь любопытством, не старайтесь узнавать о делах мира и разведывать о поведении разных братий, – чтоб вместо попечения об исправлении себя самих и ревнования о стяжании добродетелей, не навикнуть иждивать время свое на осуждение и оклеветание братий; *и делати своими руками*, т. е. сидя в келлии, прилежите рукоделию. Этим отсекает он самую возможность того, от чего пред сим отклонял. Кто любит сидеть за работою, тому некогда ходить туда и сюда, разведывать чужие дела, вмешиваться в них и пересуждать их. Во втором же послании к тем же Солунянам он к сему прибавляет: *повелеваем вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякаго брата безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас* (2 Фес. 3, 6). Здесь уже не молит, а повелевает, и не голым словом, а именем Господа нашего Иисуса Христа, давая разуметь, что это неотложная заповедь. Из дальнейшей речи видно, что это есть заповедь о труде, чуждающий которого не должен быть терпим в обществе христианском. – Итак он повелевает удаляться от тех, которые не хотят трудиться, и отсекает их, как члены, поврежденные растлевающею праздностью, чтоб болезнь ничегонеделания, как смертоносная зараза, не прилипла и к здоровым членам тела. И в этом уже было

сильное побуждение к трудолюбию, но он еще более усиливает его, ставя им себя в пример, которому они подражать должны (там же ст. 7). *Мы, говорит, живя у вас, ни у кого не ели хлеба даром* (ст. 8), хотя *Господь проповедующим Евангелие повелел ясти от благовестия* (1 Кор. 9, 14). Когда таким образом и тот, кто проповедовал Евангелие и совершал столь высокое духовное дело, даром не принимал пищи; то что скажем в оправдание своей лености мы, которым не только не поручена никакая проповедь слова, но и никакой другой заботы не заповедано, кроме попечения об одной душе своей? В какой надежде мы осмелимся с праздными руками даром есть хлеб, которого сосуд избранный, обязанный заботами о проповеди Евангелия, не позволял себе есть не от труда рук своих? – Чтоб не показалось, впрочем, что его собственный пример – исключительный, и предлагается не как образец для подражания всем, Апостол внушает, что не он один так поступал, но и все бывшие с ним, т. е. Сила и Тимофей, которые это пишут с ним, занимались тоже трудами рук. – Чтоб не вздумал кто уклоняться от подражания его примеру, представляя, что они все работали молча, не имея намерения дать пример, обязывающий и нас к труду, он сказывает, что они имели власть не работать, и работали, *да себе образ дамы вам, во ежесуподобиииши нам* (2 Фес. 3, 9), – чтоб, если словесное учение, часто влагаемое во уши ваши, забудете, по крайней мере примеры наши, представленные очам вашим, вы удержали в памяти. Наконец, после стольких убеждений, Апостол употребляет в отношении к ним уже не совет учителя или врача, но авторитет апостольской власти, говоря: *аще кто не хочет делати, ниже да яст* (10)! Это приговор на предполагаемых или предвидимых презрителей сей заповеди, изрекаемый с седалища апостольского суда.

115. И в послании к Ефесеям Апостол об этом самом труде предписывал, говоря: *крадый ктому да не крадет, но паче да труждается, делая своими руками благое, да имать подавать требующему* (Еф. 4, 28). – Также в Деяниях Апостольских находим, что он не только учил этому, но и сам действовал так. Ибо когда он пришел в Коринф, то не захотел остановиться в другом месте, а у Акилы и Прискиллы, потому что они были мастера того же ремесла, каким он сам обыкновенно занимался, – с очевидным намерением работать с ними вместе (Деян. 18, 1–3). – Потом, когда плывя в Иерусалим, останавливался он в Милете, то, послав оттуда в Ефес, призвал к себе пресвитеров Ефесской Церкви и, давая им наставления, как в его отсутствие управлять Церковью Божиею, говорил, что ни денег, ни одежды он от них не искал, что нуждам его и сущим с ним послужили собственные его руки, – и что делал это он для того, чтоб показать, что так трудясь надлежит помогать неимущим, помня заповедь Самого Господа, – что *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. 20, 33–35). Так давая пример трудолюбия, он вместе научает, что помогать нуждающимся лучше из приобретенного потовым трудом, нежели из того, что иным каким путем попадает в руки. Если же так действует и монах, то он тогда украшен бывает двоякою добродетелию: отвержением всех вещей стяжевает совершенную нищету Христову, – и своим трудом и расположением показывает щедрость богатого, – почитая Бога от своих праведных трудов и принося Ему жертву от плодов своей правды.

116. Египетские отцы никак не позволяют монахам быть праздными, особенно молодым, рачительностию к труду измеряя состояние сердца и меру преуспевания в терпении и смирении. Они не только ничего не принимают для употребления на свое пропитание, но и от своих трудов питают приходящих братьев и странников, и посылают в места Ливии, бедствующие от бесплодия и голода, также и в города томимым в грязных темницах доставляют большое количество пищи всякого рода, веруя, что таким пожертвованием от плода рук своих они приносят приятную Господу жертву. – На сей предмет у древних отцов Египта составила еще и такая поговорка: работающего монаха искушает один бес, а на праздного нападает бесчисленное множество бесов.

117. Когда я, начав жить в пустыне, сказал авве Моисею (Ливийскому; его 1 и 2 собеседования), что вчера был я крайне расслаблен недугом уныния и не мог иначе освободиться от него, как сходявши к авве Павлу: – Нет, ты не освободил себя от него, сказал он мне, но паче

показал себя ему преданным и покорным. Ибо после оно сильнее будет нападать на тебя как на труса и беглеца, увидев, как ты с первой схватки дал себя победить и тотчас убежал с поля брани, если только не решишься ты в другие раза вступить в борьбу с этим врагом, не начав отражать его жаркие нападения оставлением келлии или погружением в сон, но побеждать его терпением и противоборством. Так опытом доказалось, что не бежать надобно от натиска уныния, уклоняясь от борьбы с ним, а побеждать, мужественно сопротивляясь ему.

ж. Борьба с духом тщеславия (Кн. 11-я)

118. Седьмая брань предлежит нам с духом тщеславия, – разновидным, изменчивым и тонким, так что с самыми острозоркими глазами едва можно не только предостеречься от него, но его рассмотреть и узнать. Прочие страсти просты и однообразны, а эта многочастна и многообразна, и отовсюду и со всех сторон встречает воина, и когда он еще борется, и когда уже является победителем. Ибо она покушается уязвить воина Христова и одеждою, и статностию, и походкою, и голосом, и работою, и бдениями, и постами, и молитвою, и уединением, и чтением, и познаниями, и молчаливостию, и повиновением, и смирением, и благодушием, – и, как некий опаснейший камень подводный, покрытый вздымающимися волнами, в то время как не опасаются, причинят внезапно бедственное кораблекрушение плывущим при благоприятном ветре.

119. Итак желающему идти Царским путем с *оружиями правды десными и щупами* должно, по апостольскому учению, ровно проходить *славою и безчестием, гаждением и благохвалением* (2 Кор. 6, 7, 8), и с крайнею осторожностью направлять свое шествие путем добродетели, среди вздымающихся волн искушений, под управлением рассуждения и веянием Духа Господня, зная, что как скоро мы хоть немного уклонимся направо или налево, то тотчас разобьемся о гибельные подводные скалы. Почему и слышим от премудрого Соломона увещание: *не уклонися ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27), т. е. не льсти себе из-за добродетели и духовными успехами своими не превозносись, равно как и уклоняясь на шуюю стезю страстей, не ищи по Апостолу себе от них славы в срамоте твоей (Флп. 3, 19). – Дьявол, в ком не мог породить тщеславия благообразием статной и блестящей одежды, в том пытается всеять его одеждою неуклюжею, неопрятною и нищенскою; кого не мог ввергнуть в сию страсть честию, того подбивает на нее уничижением; кого не мог заставить превозноситься многознанием и умением красно говорить, у того вызывает это важничаньем в молчании. Если кто явно постится, то тревожим бывает суетною славою; а если кто из презрения к такой славе станет скрывать пост, то терпит нападение от самовозношения. Чтoб не запятнаться приражением тщеславия, иной избегает совершать долгие молитвы на виду у братий; но начав упражняться в них тайно, никого не имея свидетелем такого делания, не избегает он трубления пред собою. Прекрасно наши старцы изображают свойство этой болести, сравнивая ее с луком и чесноком, которые по снятии одного покрова оказываются опять покрытыми другим таким же, и сколько раз ни снимай покровов, они все оказываются покрытыми.

120. Оно не перестает преследовать даже и того, кто, бегая славы, укрывается в пустыне от всякого общения с смертными; и чем дальше кто убегает от мира, тем ожесточеннее оно нападает на него. Из живущих же в обителях иного покушается оно ввергнуть в превозношение тем, что он более всех терпелив в деле и труде; другого тем, что он паче всех скор на послушание; иного тем, что он превосходит всех других смирением. Иной искушается сим по причине обширности познаний, иной – по причине долгого сидения за чтением, иной – по причине длительности бдений. И всякого эта болезнь усиливается уязвить собственными его добродетелями, в том устрояя преткания в пагубу, чем снискиваются плоды жизни. Так и для желающих проходить путь благочестия и совершенства враги-наветники не инде скрывают сети прелести, как на том же пути, по коему они шествуют, по изречению блаженного Давида:

на пути сем, по немуже хождах, скрѣши сеть мне (Пс. 141, 4), – чтобы мы на том именно самом пути добродетелей, коим течем, стремясь к почести высшего звания, превознесшись своими успехами, спотыкались, и запутавшись в сети тщеславия, падали, имея связанными ноги души своей. Таким образом и бывает, что тогда как остаемся мы не побежденными нападением противника, бываем побеждаемы высотой нашего над ним торжества.

121. Все другие страсти, будучи преодолеваемы, увядают, и будучи побеждаемы, с каждым днем становятся все слабее; также под влиянием места или времени истощаются они и стихают; или всячески, по причине их раздора с противоположными им добродетелями, удобнее бывает предостерегаться от них и избегать их. Но эта, будучи поражена, с большим ожесточением восстает на брань, и когда почитается испутившею дух, чрез смерть свою делается еще более живою, здоровою и мощною. Прочие страсти тиранствуют только над теми, которых победили в борьбе; а эта победителей своих еще ожесточеннее теснит, и чем сильнее была поражена, тем чрезмернее борет помыслом возношения по случаю победы над собою. В том особенно и видится тонкая хитрость врага, что по его козням воин Христов падает от собственных стрел, после того как сам он не мог его победить своими вражескими оружиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.